

Арина
Арская

БЫВШИЙ МУЖ

МОЯ ПОДРУГА ЖДЕТ ОТ ТЕБЯ РЕБЕНКА

Арина Арская

**Бывший муж. Моя подруга
ждет от тебя ребенка**

«Литнет»

2024

Арская А.

Бывший муж. Моя подруга ждет от тебя ребенка / А. Арская —
«Литнет», 2024

— Я не знаю как тебе сказать, Ленусь, — Мила неловко улыбается, — черт... слушай... — закусывает губу на секунду и торопливо выпаливает, — у меня с твоим Димкой было! Блин! Ленусь! Как-то так получилось... Я сама не знаю... Нервно мнет в пальцах край шелкового красного шарфика. И опять кусает губы. Бледнеет и шепчет:— Ну, он же тебе бывший муж, да? И... блин, все равно стремно... Ленусь, что ты молчишь? Блин, мне так стыдно, но я не смогла молчать. И, кажется, у меня задержка. Я отставляю на полку пачку мюсли и тихо отвечаю под гулкий удар сердца:— Меня теперь не касается, с кем Дима спит. Слушай мне пора. Мне надо забрать детей из школы.***Год назад я развелась с мужем из-за его пьяной измены с проституткой. Он сам в ней признался, и после громкого скандала с битой посудой мы развелись.

Содержание

Глава 1. У меня задержка	5
Глава 2. Ты пьян	7
Глава 3. Я же вернулся	9
Глава 4. Не смей	11
Глава 5. Подруга	13
Глава 6. Спасибо, что рядом	15
Глава 7. Я в жопе, да?	17
Глава 8. Ты разрушил нашу семью!	20
Глава 9. Станем соседями	22
Глава 10. Так тяжело... Так страшно...	24
Глава 11. Мы с папой останемся друзьями	26
Глава 12. Я у вас совета не спрашиваю	28
Глава 13. Мы сами все решим	30
Глава 14. Мы ее приняли, как родную дочь	32
Глава 15. Подруга всегда поддержит	34
Глава 16. Мама не будет скучать?	36
Глава 17. Не трогай меня!	38
Глава 18. Я все знаю	40
Глава 19. Тебе стоит выдохнуть	42
Глава 20. Зачем вы развелись?	44
Глава 21. Она не лгала...	46
Глава 22. Это не твое дело	48
Глава 23. Это была она?	50
Глава 24. Ты меня начинаешь беспокоить	52
Глава 25. Поженитесь обратно	54
Глава 26. Я вернула бывшему сердце	56
Глава 27. По секрету всему свету	59
Глава 28. Будешь третьей?	61
Глава 29. Я беспокоюсь о тебе	64
Глава 30. Она не в себе	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1. У меня задержка

— У меня задержка, — тихо и украдкой шепчет моя подруга Мила у стеллажа с сухими завтраками.

Я недоуменно кошусь на нее. Не самое лучшее место для такой новости. О таком обычно говорят в кафе со смущенной улыбкой или хотя бы на кухне по секрету.

Мимо проходит приземистая пожилая женщина с тележкой, у которой противно скрипят колесики.

— Как-то так, — неловко улыбается и суетливо прячет руки за спину.

А еще у нее взгляд очень подозрительный. Виноватый. Я приподнимаю бровь:

— Как-то так?

Что за фразочка, блин? Где радость? Или радоваться нечему? У меня есть парочка версий.

Первая — Мила залетела от незнакомого мужика.

И вторая — противная и сомнительная: Она связалась с женатым мужиком. Нет, не могла она.

— Продолжение будет, Мила? — спрашиваю я.

Я же должна понять, поздравлять мне подругу или успокаивать, что она справится и что все будет хорошо.

— Я не знаю, как тебе сказать, Ленусь, — Мила неловко улыбается, — черт... слушай... — закусывает губу на секунду и торопливо выпаливает, — у меня с твоим Димкой было! Блин! Ленусь! Как-то так получилось... Я сама не знаю...

У меня брови ползут на лоб.

Такое я не могла предположить. Сердцебиение отзывается в висках частой и глубокой пульсацией.

Мила нервно мнет в пальцах край шелкового красного шарфика. И опять кусает губы. Бледнеет и шепчет:

— Ну, он же тебе бывший муж, да? И... блин, все равно стремно... Ленусь, что ты молчишь? Блин, мне так стыдно, но я не смогла молчать. И, кажется, у меня задержка.

— Кажется? — переспрашиваю я. — Это как?

Я не знаю, как реагировать на новость, что моя лучшая подруга переспала с моим бывшим мужем, с которым у нас был очень болезненный разрыв.

Да что там. Мне и сейчас больно, пусть и кажется, что я смогла спокойно пережить развод.

— Я неправильно выразилась, — Мила нервно поправляет шарфик. — Ленусь, вот такие дела у меня. Ты злишься?

Я хочу раздавить в руках пачку мюсли, но не делаю этого. Просто до боли напрягаю пальцы.

Медленный вдох и выдох. Досчитать до десяти.

— Ленусь, я не хотела... Но молчать? Это было бы подлю.

Мне так нравится, когда люди начинают рассуждать о том, что есть подлость, а что нет.

Фактически в том, что моя подруга переспала с моим бывшим мужем нет подлости, однако разве теперь можно говорить о женской солидарности между подругами?

Я отставляю на полку пачку мюсли и тихо отвечаю под гулкий удар сердца:

— Меня теперь не касается, с кем Дима спит. Слушай, мне пора. Мне надо забрать детей из школы.

Медленно разворачиваюсь на носочках от стеллажа и торопливым шагом иду прочь под обеспокоенный оклик Милы:

— Ленусь! Блин! Подожди!

Выныриваю из прохода, и на повороте в следующий пролет между стеллажами, я задеваю сумкой выставленные в красивую большую пирамиду пачки чая.

Скидка на него — тридцать пять процентов.

Чайная пирамида под моим испуганным взглядом рассыпается, а в стороне в нескольких шагах тяжело вздыхает молодой сотрудник супермаркета:

— Да твою ж мать.

Высокий и с плохой кожей: его щеки покрыты крупными красными прыщами.

— Простите, — пячусь я и смотрю на него.

Была, конечно, мысль кинуться и самой расставить пачки чая, но у меня, во-первых, не получится такая аккуратная пирамида, а, во-вторых, это будет совсем уж жалко.

— Лен, подожди, — и прохода выныривает Мила, и наши взгляды встречаются, — мне очень стыдно. Правда! И я не хочу тебя терять.

— Я тебе сказала, я тороплюсь, мне надо забрать детей из школы, — носком туфли задеваю пачку чая, отпинываю ее и, громко цокая каблуками, иду в сторону выхода и лабиринта супермаркетов.

— Да, блин! — летит мне голос Милы.

Она в кроссовках, поэтому она догоняет меня и хватается за руку, вынуждая развернуться к ней:

— Ленусь, мы же столько вместе прошли.

— Вот именно! — отвечаю ей громким и разъяренным шепотом. — Столько прошли!

— Он же уже бывший... — криво улыбается. — Вы не женаты...

Усмехаюсь. Смотрю в глаза Милы и подхожу вплотную. Поправляю на ее шее шарфик в желании затянуть его до глухих хрипов и паники в расширенных зрачках.

— Да, бывший, — завязываю красивый бантик и задаю логичный и простой вопрос лучшей подруге, — тогда почему тебе стыдно, Мила?

Глава 2. Ты пьян

1,5 года назад

— Лен...

Я кутаюсь в халат. Дима едва на ногах стоит. Пиджак — мятый, на рубашке не хватает пуговиц.

Пошатывается и делает ко мне шаг. Глаза горят, как в лихорадке. Дыхание — прерывистое и хриплое.

Немного жутковато, потому что он крупный мужик, и если он упадет, то я его точно не подниму на ноги.

— Лен, — повторяет он и проводит по лицу ладонью. Медленно моргает и сглатывает так, будто его сейчас вывернет посреди кухни. — Лен, прости меня, дурака такого...

— Дим, ты пьян, — решительно подхожу к нему, — идем. Ты сейчас еще детей разбудишь.

Касаюсь его груди:

— Идем, Дмитрий, — хмурюсь, — в душ и спать, и уже завтра я тебя буду пилить, что не стоит так нажираться.

А еще я ему выдвину громкие претензии, что и на звонки мои стоит отвечать, а то я уже была готова звонить в полицию с криками, что мой муж пропал.

— Лен, — хрипло шепчет он, ищет мою руку и крепко сжимает ладонь. В глазах кроме пьяного дурмана, я вижу черную тень сожаления. — Лен...

В груди вспыхивает тревога.

Его мутный взгляд цепляет в моей женской душе струну настороженности и подозрений.

Руки слабеют и холодеют.

Я подаюсь к Диме ближе и тяну носом воздух. Он не отстраняется, и все также тяжело дышит, до боли и хруста сжимая мою ладонь.

Под едким острым амбре пота, от которого слезятся глаза, парами алкоголя и терпким парфюмом с нотками горькой полыни я улавливаю сладость жасмина.

От моего мужа пахнет чужой женщиной.

Я поднимаю взгляд.

Наше гнетущее и многозначительное молчание длится долгую минуту, а потом с крана летит капля воды и встречается с грязной тарелкой в раковине.

Кап.

Меня оглушает этот тихий звук в тишине, и я вздрагиваю в ужасе.

— Прости меня...

Это неправда. Дима не мог. Какие глупости.

— Дим, — теперь уже я сглатываю ком подступившей тошноты, — ты пьян...

— Прости меня, Лен, — повторяет он в пьяном трансе.

Я хочу вырвать руку, но Дима сжимает ее крепче. До хруста.

— Мне больно, — мой голос дрожит. — Пусти.

— Я тебе изменил, — тихо и решительно выдает Дима страшное признание. — Кажется... Наверное, это было проститутка...

Опять молчание.

Дима смотрит на меня с долей растерянности и будто ждет от меня того, что я подбодрю его и скажу «Не переживай. С кем не бывает?».

— Отлично ты встретился со школьными друзьями, — сиплю я и предпринимаю новую попытку вырвать руку из его потного захвата. — Пусти!

Он разжимает руку, когда я вновь дергаюсь раненой птицей.
Я чуть не падаю, потеряв равновесие.

Но от падения меня спасает стол, о который я опираюсь слабой рукой, в панике глядя на Диму.

— Зря... — хрипит он пьяно и опять его ведет в сторону, — зря я сказал... Лена... Не слушай меня... Нет, не слушай... Вот черт.

Вновь проводит ладонью по лицу в желании избавиться от опьянения. Всхрапывает, кривится и смотрит на меня:

— Я перепил...

— Прочь, — меня начинает трясти.

— Ты права, — он кивает и приваливается к стене, — надо завтра поговорить, Лен. Сейчас я говорю всякие глупости...

Неуклюже снимает пиджак, а после сползает по стене на пол. Запрокидывает голову, глядя на меня полуопущенных ресниц:

— Ты такая сейчас красивая, Лен... Господи, какой я дурак... Лена, — накрывает лицо ладонями. У костяшек замечаю размазанный след от помады. — Как же так получилось?

Она его, что ли, в руки целовала?

— Мне надо в душ, — сдавленно отзывается Дима и расстегивает уцелевшие пуговицы рубашки. Принюхивается к себе и недовольно заявляет. — Фу, блять, я воняю...

Вытягивает ноги и бьется затылком о стену:

— Дай минуту, Ленчик. Передохну и пойду.

Что мне делать?

— Ты не останешься тут, — с тихой угрозой говорю я. — Нет, Дим, — в висках начинает пульсировать кровь гнева, — возвращайся к друзьям... и к той шалаве...

А затем я замечаю на его шее, ближе к ключице, засос, а на груди царапины.

Меня всю передергивает и затем клинит.

Я хватаю стакан со стола и швыряю в стену. Звон осколков, Дима закрывает руками голову, наклонившись вперед, и я кричу:

— Пошел прочь! Прочь!

А после я перехожу на неразборчивые гневные выкрики и уже швыряю в стену грязную тарелку из раковины.

— Мам? — доносится из столовой испуганный голос нашей старшей восьмилетней дочери Вероники. — Мама?

— Ты детей разбудила, — тяжело вздыхает Дима, стряхивая с плеч осколки, и пытается встать. — Лен, успокойся... Любимая, я тебя очень прошу.

Глава 3. Я же вернулся

— Мам?

Вероника заглядывает на кухню. Замечает Дмитрия, который приваливается к стене и криво улыбается ей.

— Тут осколки, доча, не заходи.

— Иди спать, — тихо, но требовательно говорю я.

— Иди, — кивает Дима. — Я просто поздно пришел... Вот мама и злится, котенок.

— Вот как? — охаю я. — Просто поздно пришел?

Дима меняется в лице. Переводит на меня тяжелый взгляд, по которому я понимаю, что он не одобрит, если я сейчас решу сказать дочери правду про его подвиги с проституткой.

— Да, я пришел поздно, — говорит он.

Да я и сама понимаю, что сейчас не стоит вываливать на дочь всю эту грязь. Она и так стоит в проеме кухни испуганная и бледная.

— Ты должен уйти? — цежу я сквозь зубы. Делаю паузу и продолжаю, аккуратно подбирая слова, — иди туда, где ты сегодня решил задержаться.

— Мам, — попискивает Вероничка. — Поздно же...

— Быстро спать! — рявкаю я.

— Не ори! — зычным басом, от которого дрожит воздух, затыкает меня Дмитрий. Секунда, и он понижает голос. — Лен, она не виновата...

— Ты меня еще учить вздумал?!

— Мама?! — слышу сонный восклик шестилетнего Саши. — Мамочка?!

Я замолкаю. И младший проснулся.

Тяжело дышать. Перед глазами все размывается под пеленой слез. Господи, я даже подумать не могла, что Дмитрий после встречи со школьными друзьями явится пьяным и с засосами на шее.

Иногда на него накатывает желание хорошо отдохнуть с крепким дорогим алкоголем, который он цедит ради вкуса по капле, но вот так нажраться?

Похрустывая осколками, Дмитрий шагает к Веронике и даже не кривится. Новые шаги оставляют после себя кровавые следы.

— Иди к брату, — он наклоняется к Веронике и касается ее щеки, — будь умницей.

— Но пап... — Вероника со страхом смотрит на кровавые следы. — У тебя кровь... Ты поранился...

— Иди к брату, — строго повторяет Дима, — расскажи ему сказку. И я разрешаю сегодня спать в вашем шалаше. Затащите туда подушки, игрушки... Иди, милая.

Он аккуратно разворачивает ее за плечи и мягко толкает в спину:

— Иди. Твой брат, наверное, тоже напугался.

Сердце колотится.

Делаю вдох и выдох, но у меня не выходит успокоиться. Меня наоборот кидает на новый виток ярости к Диме, который притащил в мой дом грязь.

Он закрывает за Вероникой дверь, и оборачивается через плечо:

— Я не думаю... — он на выдохе кривится и сплевывает. Прижимает ладонь ко рту и выдерживает несколько секунд паузы. Медленно продолжает, — не думаю, что стоит детей ввязывать во все это, Лен.

— А, может, тебе стоило думать не сейчас, а тогда, когда ты полез...

— Закрой рот! — вырывается из него разъяренный рык. — Или ты, блять, плохо меня расслышала?

Он пьян.

А у пьяных мужиков крышу рвет, и они под вспышками спиртового гнева даже убивают. Я должна взять себя в руки, потому что Дима вместе с моей истерикой заводится все круче и круче.

Теперь в его глазах нет сожаления и отчаяния.

Сейчас они черные от гнева.

Сжимает кулаки и медленно выдыхает. До меня долетает его влажный и густой перегар. Прикрываю нос и рот ладонью.

На лбу Димы проступила испарина.

— Мы должны успокоиться, — его ведет в сторону, и он широко расставляет ноги, чтобы удержать равновесие.

Опять под его ступнями хрустят осколки, но он, похоже, не чувствует боли.

— Ты же у меня умная женщина, Лен...

— Замолчи и уходи.

Если он останется, то я с детьми уйду.

— Зря я сказал, да? — он закрывает глаза. — Лен, я перебрал. Сильно перебрал.

— Я вижу.

Меня опять трясет. Стоит у двери, и мне даже не выбежать сейчас из кухни. Кажется, я попала в западню.

Дима стоит с закрытыми глазами и глухо порыкивает, пошатываясь из стороны в сторону, а после, резко и широко размахнувшись, бьет кулаком по стене.

Несколько раз.

На плитке кровь и трещины.

Дима с низким клекотом встряхивает рукой и смотрит на меня исподлобья. Прикусываю кончик языка, чтобы сдержать в себе слова, которые могут спровоцировать его агрессию.

Если я сейчас заикнусь о разводе, то быть беде.

— Я решил тебе сразу признаться, Лен, — его лицо идет красными пятнами, а на шее пульсирует вздутая вена, — ведь я обещал быть с тобой честным...

Делает шаг ко мне:

— Ну что ты, милая... — протягивает руку. — Давай, иди ко мне. Я же вернулся. К тебе и детям.

Глава 4. Не смей

Я не знаю, как себя вести с пьяными мужчинами, которые едва на ногах стоят. Надо Диму, наверное, успокоить, уложить спать, а после уже думать: бежать или ждать утра для разборов полетов.

— Дим...

И никаких резких движений. Дима на грани то ли безумия, то ли отчаяния после попойки с проституткой.

— Лена, моя Лена, — выдыхает в мое лицо алкогольные пары, от которых у меня слезятся глаза. — Лена...

Он хочет меня поцеловать. Наклоняется.

Я пытаюсь мягко увернуться от его губ, а он обхватывает мое лицо ладонями и стискивает его.

— Не смей... — сдавленно отзываюсь я, глядя в мутные глаза, в которых вновь разгорается огоньки ярости. — После нее... Не смей...

К горлу подкатывает тошнота от сладкого запаха жасмина и едкого пота. Я дергаюсь, но Дима крепче сжимает мое лицо, будто хочет свернуть мне голову.

И у него это получится без особого труда.

Он здоровый и сильный мужик.

— И ты с ног до головы ею провонял.

— Лен, Леночка, — прижимается лбом к моему, и я задыхаюсь от его тяжелого перегара, — не гони коней...

А затем переходит на бессвязный рык, сжимая мое лицо в потных ладонях. Затихает на несколько секунд и хрипит:

— Я не могу тебя потерять. Я тебя люблю... Ну, перебрал... С кем не бывает... Неделя сложная, Лена...

Не надо с ним сейчас спорить. Наши дети и так напугались.

— Поздно, Дим, — мой голос дрожит. — Мне надо тут убрать, а ты иди прими душ... и ложись спать...

— И ты завтра будешь опять кричать, да?

Он криво усмехается, и с угрозой вглядывается в глаза:

— Только давай не при детях, Лен.

— Да, конечно, — стараюсь говорить спокойно и уверенно.

— Не надо их пугать, — так и не выпускает мое лицо из влажных ладоней тисков. — Ты со мной согласна? Ты же у меня такая умница... Мне так повезло с тобой.

Сглатываю и в следующую секунду задыхаюсь под глубоким и влажным поцелуем, который отдает вязкой горечью.

Я в панике мычу, бью Диму по груди, а после с отвращением кусаю его за язык. Сильно и до крови.

Он резко отшатывается.

К горечи во рту примешивается соль крови.

— Нет! — в ужасе взвизгиваю я.

Отталкиваю Дмитрия, кидаюсь к дверям, но он успевает схватить меня за запястье. Держит на себя, сгребает в охапку и хаотично целует в шею, щеки, виски, размазывая по коже слюну с кровью:

— Я тебя хочу...

В неуклюжей злости задирает халат.

— Нет, Дима, нет... Прекрати... Умоляю... Дима... Только не так... Не сейчас...

Я могу, конечно, сейчас закричать, но вряд ли это остановит моего невменяемого мужа.

А еще я не хочу, чтобы наши дети слышали мои вопли страха и беспомощности. Эта травма останется с ними на всю жизнь

Дима проходит ладонью по бедру, цепляет пальцами край трусиков.

Сопротивлением я мужа только раздражаю, а я хочу избежать грязной близости с ним после продажной шлюхи.

— Дим, — касаюсь его шеи в мелкой испарине и прижимаюсь щекой к его щеке, — тебе не помешало бы в душ...

— Папа, — пищит за дверью Вероничка.

— Иди к брату! — в диком гневе смотрит на запертую дверь. — Я тебе что сказал?!

Шея и лицо красные. Ноздри вздрагивают.

Вероника всхлипывает, и Дима встряхивает головой и отступает от меня:

— Прости, доча... Прости... Хочешь, я к вам с братиком поднимусь и сказку расскажу.

Опять шагает по осколкам, а я торопливо поправляю под халатом трусики.

— Только папе надо принять душ...

— Ника, милая, иди спать, — подаю я тихий голос. — Все хорошо.

— Что с папой?

Дима открывает с щелчком дверь, и я кидаю загнанный взгляд на стойку с ножами.

— Папа, — слышу голос Саши.

— Тут осколки, — Дима выходит из кухни. — Папа в душ, а вы в кровати, ага? И потом я приду к вам со сказкой.

— Папа, у тебя кровь...

— Я знаю. Знаю...

Под подошвой домашних тапочек хрустят осколки, и я вынырываю из кухни в столовую. Дима у серванта привалился к стене и тяжело дышит. Хватаю Вероничку и Сашу за руку и увожу прочь.

— Папе плохо? — спрашивает бледная Вероника и поднимает на меня испуганные глаза.

— Папа отравился, — на ходу придумываю ложь. — Вам давно пора спать, зайчики.

— А папа? — Саша смотрит на меня настороженными глазами. — Если папа отравился...

— Я ему вызову врача, — в гостиной я их мягко толкаю в спину. — Идите спать.

Из столовой доносится грохот. Похоже, Дима что-то перевернул. Крепко зажмуриваюсь, когда до нас долетает:

— Лена! Ты не посмеешь от меня уйти!

Глава 5. Подруга

— Давай ко мне, — шепчет Мила. — Хватай детей и беги, — что шуршит на фоне. — Я сейчас приеду за вами.

Дима заснул на диване в гостиной. Мне удалось его убедить ласковым шепотом, что я никуда не бегу и не ухожу.

Что я рядом.

Сел передохнуть на диван и вырубился, а я решила в тихой панике позвонить подруге.

— Он никогда так много не пил, — сипло отзываюсь я и заглядываю левым глазом в щель между дверью и косяком.

Сквозь сон Дима кривится и дергает рукой.

— Сейчас с ним опасно находится, — говорит Мила. — Все, я уже выхожу. Через минут пятнадцать приеду. Переждете у меня, пока он выспится.

— Слушай, я не уверена, что это хорошая идея...

— Я не хочу потом тебя хоронить, Ленусь, — обеспокоенно отзывается Мила. — Если он так не пил, то, значит, знал, что так крышу рвет.

Я серьезно задумываюсь.

Неужели я так плохо знаю мужа, и у него есть проблемы с алкоголем, который меняет его с адекватного человека на агрессивного борова?

— Сейчас косо посмотришь на него, — продолжает Мила, — и твои дети останутся сиротами, Лен. Подумай о сыне и дочке.

Мила права.

Эту ночь я должна переждать в другом месте ради безопасности моих детей. Когда Дима протрезвеет, я с ним поговорю.

Ох, зря я дала волю своим чувствам в первый момент, но я же не думала, что мой муж из тех людей, которые обращаются в чудовищ, когда выпьют лишнего.

— Давай, я выезжаю, Ленусь.

— Хорошо, — сипло отвечаю я и сбрасываю звонок.

Прячу телефон в карман. Вновь заглядываю в гостиную и выжидаю несколько минут. Дима спит.

Знала бы, чем закончится его встреча со школьными друзьями, то была бы резко против, а я, дура, согласилась, что надо ему немного развеяться на встрече.

Вот он и развеялся.

Задерживаю взгляд на засосах на его шее, а после смотрю на царапины на его груди. Страстная ему шлюха попалась.

Передергиваю плечами, и изнутри будто покрываюсь мерзкой липкой плесенью.

На цыпочках отступаю от двери и крадусь к лестнице.

— Лена!

Замираю, крепко ухватившись за перила.

— Да, милый? — закрываю глаза. — Я детей хочу проверить. Спят или нет. Чую, что балуются, — издаю лживый смешок материнской беззаботности. — Ты же знаешь, какие они. Могут всю ночь играть.

— Иди, проверь, — устало и сквозь сон разрешает Дима.

В испуганной спешке поднимаюсь на второй этаж. Приглаживаю волосы, расслабляю лицо, чтобы не пугать Вероничку и Сашку гримасой страха растерянности.

Нахожу их в комнате Вероники. В шалаше из одеяла, стульев и подушек. Сажусь на корточки, откидываю край одеяла и заглядываю внутрь.

— За нами сейчас заедет тетя Мила, — улыбаюсь бледным лицам. — Мы сегодня переночуем у нее.

— А папа? — Вероника прижимает к себе брата. — Что с папой?

— Папа заснул, — дышу медленно и через нос. — И его лучше не будить. Когда приедет тетя Мила, то мы должны быть мышками. Ага? Быстрыми, ловким и тихими мышками.

Взъерошиваю волосы Сашке, который спрашивает:

— Почему папа кричал?

— Главное, что сейчас папа спит, — поглаживаю его щеку. — Папа отравился. Ему было плохо и поэтому он злился. Давайте, выбирайтесь.

В кармане халата вибрирует телефон. Мила отчитывается, какой перекресток проехала и на каком светофоре остановилась.

— А надолго мы к тете Миле? — Вероника выползает из шалаша, и Саша следует молчаливым хвостиком за ней.

— Всего на ночь, пока папа не проспится. Тапочки наденьте.

Встаю, помогаю подняться на ноги сонному Саше. Перевожу взгляд на Веронику:

— Как мышки, помним? Папу лучше не будить. А теперь на цыпочках выходим.

Если сейчас Дима поймает меня за попыткой вывезти детей из дома, то мне мало не покажется.

Руки дрожат, и холодным потом прошибает, когда мы подходим к лестнице.

Прижимаю палец к губам, сигнализируя Вероничке и Саше, что надо помолчать. Ждем несколько секунд и тихонечко спускаемся.

Ступенька за ступенькой.

Застываем тенями, когда из гостиной доносится сонный рык с неразборчивым бурчанием. Переглядываемся, и я киваю, что можем продолжить путь.

Через пару минут мы выскакиваем на крыльцо:

— Идем к воротам. Быстро.

— Мам, — хнычет Саша. — Мне страшно.

Глава 6. Спасибо, что рядом

— Тише, милая, — Мила придвигает мне чашку с ромашковым чаем. — Все хорошо. Дети спят, ты цела...

Меня трясет.

Я и подумать не могла, что однажды буду бежать в ночи из дома от пьяного мужа, который приперся ко мне от проститутки.

Вот такой итог у нашего брака и отношений, которые начались с бабочек в животе?

— Я рядом, — Мила накрывает мои плечи пледом.

— Спасибо, — шепчу и я крепко обхватываю горячую чашку с ромашковым чаем, глядя заплаканными глазами перед собой.

Покачиваюсь из стороны в сторону.

— Это какой-то кошмар... — всхлипываю я и повторяю, как в трансе, — какой-то кошмар...

Мила бесшумно садится передо мной и напряженно хмурится. Не лезет с лишними вопросами и ждет, когда я сама решу все выложить.

Делаю глоток чая. Ромашка немного горчит на языке. Густой и мягкий ворс пледа щекочет кожу на шеи, и я передергиваю плечами, а после отставляю кружку и прячу лицо в теплых ладонях.

— Мила, да как же так?

Сбивчиво, проглатывая слюгу за всхлипами, я рассказываю Миле о том, как Дима ввалился в дом невменяемый и пьяный. Про засосы, царапины и про запах жасмина тоже говорю.

И про то, что он пришел от проститутки — тоже.

— Боже, — шепчет Мила и в ужасе прикладывает ладонь к груди. — Ленусь, это пипец полный.

— Да, — поднимаю на нее глаза.

С подбородка срывается слеза и падает на столешницу. Вытираю влажные щеки, шмыгаю и опускаю глаза:

— Он просто озверел... И еще лез ко мне...

Между лопаток пробегает озноб.

— Ленусь, ты же понимаешь, что это конец?

Тихие слова Милы касаются меня ледяным отчаянием, и меня даже плед не спасает. Мне холодно.

— Лен, если ты такое спустишь на тормозах, — тихо и четко проговаривает каждое слово Мила, — то это повторится. И может стать еще хуже.

— Я понимаю, — сиплю и едва слышно отвечаю я. — И согласна с тобой. Это дно.

Я вновь хватаюсь за кружку чаем, будто она сможет удержать меня сейчас от громкой истерики.

Делаю несколько неглубоких и быстрых глотков. Не моргаю. Смотрю на тонкую царапину на белой столешнице.

— Я должна была быть против этой встречи.

— Не эта встреча, так была бы другая, — безапелляционно заявляет Мила.

— Да, наверное, ты права.

— И если у мужика один раз сорвало крышу, то сорвет еще раз, — Мила тяжело вздыхает.

— И тогда я могу не успеть к тебе. Забьет же.

Поднимаю взгляд:

— Он не поднимал на меня руку.

Мила снисходительно поджимает губы, и я вновь присасываюсь к кружке.

— Ну, допустим, — Мила подпирает лицо рукой. — Он проспится и начнет умолять тебя о прощении. И что ты его примешь после всего этого. После проститутки?

По ее лицу пробегает тень отвращения, и я закрываю глаза:

— Конечно, нет.

— Ему же еще потом стоит пойти и провериться, — хмыкает Мила, — не подцепил ли чего от жрицы любви. А, может, ты ему составишь компанию, чтобы ему не было скучно. Как хорошая и всепрощающая жена сама отведешь своего мальчика на анализы, да?

— Да что ты такое говоришь? — горько усмехаюсь. — Что за глупости?

На кухне Милы царит полумрак. Включен только тусклый светильник в углу у холодильника.

— Знаешь, у баб мозги от любви спекаются в тупое месиво, — Мила пожимает плечами. — И да, я боюсь, что ты начнешь при разговоре с Димочкой сомневаться. Он же тебе красиво навешает лапшу на уши, а ты и поверишь. У вас же дети, да? Детям отец нужен.

Я молчу.

Я, если честно, не знаю, как поведу при разговоре с Димой, когда он протрезвеет.

— Только детям нужен адекватный отец, — Мила цыкает, — а тебе верный муж, — кривится, — фу, блин! С проституткой, Лен! Это уже финиш!

— Я же не спорю, — перевожу тоскливый взгляд на магнитики, которые в хаотичном порядке развешаны на дверце холодильника. — И согласна, что это полная жопа.

Подпираю лоб кулаком и крепко зажмуриваюсь:

— Я просто в шоке.

— Он еще заявит, что ничего не помнит, — хмыкает Мила.

— Я же помню, — тоскливо отзываюсь я. — И пусть посмотрит на засосы и царапины от ногтей.

Молчи. На улице проезжает машина, и по окну пробегает яркий свет от фар. Я испуганно застываю.

Вдруг Дима?

— Это не он, — Мила протягивает ко мне руку и мягко сжимает мою ладонь. — Успокойся. Ты в безопасности.

— Да, я знаю, — неуверенно киваю.

— Слушай, Лен, — Мила не отпускает мою руку и внимательно вглядывается в глаза. — Ты когда завтра поедешь домой к своему герою, то едь одна. Оставь Вероничку и Сашу на меня, ага? Вы должны наедине поговорить.

Молча киваю.

Еще неизвестно в каком состоянии будет дом, когда я вернусь. Может, сейчас Дима проснется, и ему ударит моча в голову.

Может, он уже там все крушит в поисках меня и детей.

— И сама тоже будь на связи, — Мила сжимает мою ладонь крепче. — Ладно?

— Я думаю, что он когда протрезвеет, придет в себя.

— Я все равно буду волноваться.

— Спасибо тебе, — слабо улыбаюсь, — спасибо, что рядом. Это для меня сейчас очень важно.

— Прорвемся, подруга, — обхватывает мою ладонь двумя руками. — и адвоката тебе хорошего найдем, слышишь? Не дадим тебя в обиду.

— Не дадим, — решительно соглашаюсь я и с усилием воли проглатываю ком слез.

— С тобой так нельзя.

— Да, — выдыхаю, — со мной так нельзя. Такое не прощают.

Глава 7. Я в жопе, да?

— Где дети?! — встречает Дима меня обеспокоенными словами, когда я вхожу в дом. Сжимаю в кармане складной нож, который мне дала Мила.

Глупость, конечно, потому что я этим ножом особо не наврежу Диме, если у него опять в голове что-то переклинит.

Похоже, он только проснулся.

Помятый, взъерошенный, с расстегнутой рубашкой и недоуменный.

Он вышел ко мне из гостиной. Стоит сейчас в трех шагах, а я все равно чувствую его перегар.

— Где дети, Лена? — хрипит Дима.

А я не могу отвести взгляд от его засосов.

Эта ночь не была дурным кошмаром.

— С ними все хорошо, — шепотом отвечаю и перевожу взгляд на его опухшее лицо. — Они сейчас у Милы, — делаю паузу, — ты в себя хоть немного пришел.

Сглатывает, приглаживает волосы и с оторопью смотрит на разбитые в кровь костяшки. Сжимает кулак, кривится, а после его ведет в сторону, и он приваливается к стене.

— Черт... — смотрит на ноги. — Что за...

— Ты вчера по осколкам гулял, — тихо отвечаю я и прохожу в гостиную, — нам надо поговорить, Дима. Будь добр, приведи себя в порядок.

— Лен...

— Что? — я замираю в проеме и не оглядываюсь.

— Я тебя... я смутно все помню... — замолкает на несколько секунд и спрашивает, — я ведь не ударил тебя?

— Нет, — качаю головой. — До этого не дошло.

Я и минуты сегодняшней ночью не спала.

Все прокручивала и прокручивала в голове признание Димы, что он пришел ко мне и детям от проститутки.

Мерзко.

Меня опять всю передергивает.

Прохожу в гостиную.

Перевернут комод и журнальный столик. Ковер перекошен и собран в крупные складки.

— Черт, — рычит в коридоре Дима. — Проклятье... Лен...

— Что?

Сажусь в кресло с прямой спиной.

— Мне нужен пинцет... Как я так умудрился?

— Пинцет в шкатулке. Шкатулка в верхнем ящике тумбочки. Тумбочка в спальне, с моей стороны кровати, — проговариваю я монотонно, как робот. — Та шкатулка, которую мне подарила твоя мама, когда приехала из Тайланда.

Дышу через нос. Медленно и глубоко.

Я могу в любой момент сорваться в истерику, пусть меня Мила и напоила перед выходом валерьянкой, которую я запила ромашковым чаем.

— Со мной так нельзя, — шепчу я под нос. — И складываю руки на коленях.

Как бы мне ни было страшно решиться на развод, я не могу позволить себе слабости. Наша семейная жизнь с Димой подошла к концу, и сейчас важно нам с ним минимизировать урон для меня и детей.

Надеюсь, что Дима не начнет давить на то, что он ничего не помнит.

Я должна быть сильной ради детей.

Глаза щиплет от подступающих едких слез страха за будущее, в котором для меня больше не будет Димы, и женского отчаяния.

Закрываю глаза и закусываю губы. Одна предательская слезинка все же скатывается по щеке, и я ее торопливо смахиваю.

Вероничка и Саша сейчас проснуться у Милены испуганные и тихие.

Ни один ребенок не должен пройти через побег из дома от пьяного отца. Это дно, и если я спущу это Диме, то может стать куда хуже.

Он задал страшный вопрос: ударил ли он меня?

Неужели в его пьяной голове ночью проскользнула такая мысль, что он хочет сделать мне больно?

Вновь передергиваю плечами.

До меня доносятся тяжелые шаги Дмитрия, и его болезненный рык. Видимо, поднимается по лестнице на второй этаж.

Что же, вот и я стану разведенкой.

Я думала, что меня обойдет эта незавидная судьба, потому что я была уверена в Диме на все сто процентов.

В его любви.

В его верности.

В его адекватности.

И в том, что он брезгливый, и он никогда не подпустит к себе проститутку. Даже пьяный.

Но я ошибалась.

В моем муже скрывалось чудовище.

Вздрагиваю, когда в кармане вибрирует телефон, оповещая меня о новом сообщении, и эта вибрация отзывается во мне дрожью. Я торопливо его вытаскиваю и касаюсь дрожащими пальцами экрана.

Мила: Ты жива? Ты в порядке? Он не кидается? Все нормально. Зря, наверное, я тебя одну отпустила.

В конце — испуганный смайлик.

Коротко отчитываюсь, что Дима пошел принимать душ и что, вроде, он проспался, но, похоже, мало что помнит.

Мила: Ты на эту байку не покупайся. Не помнит! Очень удобно устроился. Будь на связи и не пропадай. Пойду твоих котят будить.

Вновь благодарю Милу за ее равнодушие и участие. Если бы не она, то я бы точно тронулась умом, а с ее поддержкой я еще на плаву. Держусь.

Я не одна проживу этот кошмар. С подругой, которая со мной в огонь и воду.

Опять закрываю глаза, стискиваю смартфон и жду, когда спустится Дмитрий. И мне кажется, что сижу я в кресле у перевернутого комода целую вечность.

Но вновь раздаются шаги.

Дима спускается. Тяжело и медленно. С остановками и тяжелыми хриплыми выдохами.

Откладываю смартфон, делаю несколько глубоких вдохов и выдохов и открываю глаза.

Я справлюсь, и финалом нашего разговора с Дмитрием станет решение о разводе без истерик и угроз.

Дима, сильно прихрамывая на обе ноги, шагает к дивану. Ноги перебинтовал. Волосы — влажные, а мятую рубашку и брюки сменил на махровый халат.

Кривится от каждого шага.

Прикусываю кончик языка и не шевелюсь. Внимательно слежу за напряженными движениями Димы, от которого теперь веет запахом мятной зубной пасты и имбирного геля для душа.

Аккуратно садится на диван, и по его лицу вновь пробегает тень боли.

— Лен, — говорит он медленно. — Я в жопе, да?

Глава 8. Ты разрушил нашу семью!

Дмитрий молчит, и я молчу. На бинтах, которыми перебинтованы его ноги, выступают точки крови.

Поднимаю взгляд. У меня дергается мизинец на левой руке, и я тихо так говорю:

— Это развод.

Я думала, что проговорю все причины, которые побудили меня поднять вопрос о разводе, но, похоже, что к Диме вернулась память под холодным душем, раз он так мрачно молчит.

По его лицу от моих слов о разводе пробегают темная тень. Он отводит взгляд в сторону. Сжимает зубы, и на щеке проступает желвака гнева.

Медленно выдыхает через нос и напряженно постукивает пальцами по подлокотнику.

Опять воцаряется гнетущее молчание, в котором нарастает мое сердцебиение.

Неужели мы правда разведемся?

Это какой-то бред.

У нас же было все хорошо.

— Что ты молчишь? — спрашиваю я, потому что тишина меня сейчас раздавит.

Чего я сейчас жду от Димы?

Извинений, покаяния и того, что он упадет на колени, вцепившись в свои влажные волосы?

Мне станет противно.

Мой муж никогда не был жалким, а все эти мольбы о прощении после проститутки будут именно жалкими.

— Хорошо я вчера погулял, — хмыкает и не смотрит на меня. — Как никогда не гулял.

А глаза — темные от злости.

Будь он сейчас пьяным, то опять что-нибудь перевернул с невменяемым рыком.

Накрывает лицо рукой.

Выдох.

Поглаживает лоб.

Вдох.

Массирует переносицу.

— Я не знаю, что тебе сказать, Лен, — голос у Дима низкий и тихий, но под ним я чувствую кипящую ярость. — Я тебе вчера все сказал.

— Так ты все вспомнил?

Дима убирает руку от лица и переводит на меня тяжелый взгляд, от которого я задерживаю дыхание. Между лопаток бежит холодок и ныряет к копчику.

— Да, — кивает и добавляет, — по большей части. А ты ждешь подробностей, Лен.

Его вопрос выходит довольно резким, и он вздыхает, но не извиняется.

С извинениями у него всегда все сложно. После ссор он обычно ходит пару дней хмурый, молчаливый и даже отстраненный, но после садится и с толком, расстановкой извиняется за свою резкость.

— Я эти подробности вижу на твоей шее, — не могу сдержать в себе горького ехидства. — Она хотела из тебя леопарда сделать?

Дмитрий, не моргая, смотрит на меня и молчит.

— Ты прав, — нервно отмахиваюсь и прячу глаза под холодной и дрожащей ладонью, — не хочу ничего знать. Действительно, ты вчера все сказал. И не только сказал, но и показал, каким ты можешь быть.

У меня вздрагивают плечи в беззвучном всхлипе.

Если Дмитрий сейчас решит подсесть ко мне обнять, то я его оттолкну, накричу и не смогу сдержаться от оскорблений.

Но он не подсаживается.

Молчит, крепко стиснув зубы, и смотрит на меня.

Может быть, до него еще не дошло, что он натворил, ведь сон прогнал из него лишь часть алкоголя.

— Я могу, Лен, сказать лишь то, что это не была спланированная акция, — невесело отзывается Дмитрий, когда с усилием воли глотаю ком слез.

— Замолчи, — цежу я сквозь зубы, — мне не нужны твои отговорки, — поднимаю взгляд, который затуманен слезами. — Сейчас начнешь говорить, что ты был не в себе, да? Что ты нажрался и не контролировал себя, да? А я должна понять и принять после всей этой грязи?

Дима откидывается назад и на выдохе прижимает к лицу ладони. Сидит так около минуты.

— Нет, Лен, я не оправдываюсь, — роняет руки и устало смотрит на меня. — Я прекрасно понимаю, что это все, конец.

Внутри я содрогаюсь от его слов.

— Вот и все? — я вскидываю бровь.

— Ты хочешь, чтобы я начал тебя уговаривать? — он приподнимает бровь. — Я же ночью пытался. И как. Тебя это впечатлило? Ты прониклась моими признаниями в любви?

— Нет, — опускаю взгляд, — и сейчас не проникнусь.

— Я знаю, — подытоживает Дима.

— Меня бы стошнило.

— Меня самого тошнит, — раздраженно отвечает Дима. Замолкает и прижимает кулак ко лбу, пытаясь сдержать в себе гнев. — Лен, я с тобой, как никогда, согласен с тем, что я знатно облажался.

И все же я жду того, что Дима начнет уговаривать, чтобы я не торопила события, что мы со всем справимся, что он ошибся и что такого больше не повторится.

Жду, потому что без всех этих извинений, обещаний и мои отказов наш разговор кажется каким-то не таким.

Слишком сухим, что ли. Или неполным. Внутри свербит чувство незавершенности и недосказанности.

Но Дима такой, какой он и должен быть. Он признает свою вину и соглашается с тем, что я имею право отказаться от него, но я не могу понять, больно ли ему, как мне сейчас.

— Лен... — Дима пристально смотрит на меня. — Ты детям не стала говорить...

— Нет, — перебиваю я его. — Ты за кого меня держишь? Дим, — истерично посмеиваюсь, — им не надо знать такую грязь. Им хватит того, что ты ночью кричал и переворачивал мебель.

Я замечаю, как у Димы вздрагивают ноздри на выдохе.

— Я не знаю, как мы объясним им, что мы разводимся, — крепко зажмуриваюсь, потому что тоже начинаю злиться, — но про то, что их папу тянет на продажных шлюх, мы умолчим. И это, — открываю глаза и смотрю на мужа исподлобья, — не для того, чтобы сохранить твой нимб хорошего папочки, ясно? А чтобы защитить их.

— Я понимаю...

Под вспышкой злости я вскакиваю и рявкаю:

— Понимаешь? — развожу руки в стороны. — Ты разрушил нашу семью! И знаешь, — меня начинает трясти, — с детьми не надо тянуть с разговором о разводе. И ты сегодня же съедешь. Видеть тебя не хочу, Дима! Не хочу!

Глава 9. Станем соседями

— Я не хочу, чтобы разводились... не хочу... — воет рядом с Димой Вероничка в ладони.
— Не хочу.

Саша рядом со мной тоже плачет, прижимая к себе плюшевого динозавра.

Я, конечно, ждала именно такой реакции, но ждать и столкнуться на практике с ней — совершенно разные вещи.

У меня самой в глотке застрял ком слез, который я никак не могу проглотить и просипеть детям, что все будет хорошо.

Да даже если скажу, то сама не поверю.

Я за одну ночь лишилась мужа.

— Ника, милая, — Дима прижимает к себе Веронику, — я все равно остался твоим папой, который тебя очень любит.

Никакие увещевания сейчас не убедят детское сердечко, что мир не рушится.

— Милая, — Дима целует ее в макушку, — папа и мама больше не могут быть вместе, потому что... — он замолкает и смотрит на меня так, будто ждет, что я его остановлю, — я ее напугал, доча. Понимаешь, мужчине нельзя так себя вести.

Он поднимает ее лицо за подбородок и вытирает слезы:

— Я и на вас накричал, Вероника, — слабо улыбается, — так нельзя себя вести. Мама будет бояться быть рядом со мной, а это неправильно. Не должна жена бояться мужа.

Хорошие слова, о которых Диме стоило подумать до того, как выпивать лишнюю рюмку.

— Я тебя прощаю, — Вероника опять со слезами утыкается в его грудь, — за то, что ты на меня кричал. Прощаю...

Сашка с ревом сползает с дивана и кидается к Диме. Неуклюже забирается на его колени и с горьким плачем приваливается к нему.

Может, я зря гоню лошадей?

Да что же такое на меня сейчас нашло?

Да. моим детям сейчас страшно и больно, но я не хочу вновь проживать безумную ночь, в которой много женского ужаса и бессилия перед мужской пьяной агрессией.

А еще не забываем про проститутку.

Мне смотреть на Диму сейчас сложно, не то, что его коснуться.

Я бы и детей сейчас от него забрала и заперла от греха подальше. Да, я брезгливый человек.

— Папааа... Я тебя прощаю...

— Моя хорошая, — Дима закрывает глаза и покачивается из стороны в сторону, — спасибо тебе, но я поступил плохо. Милая, очень плохо.

— И мама больше не может быть с папой, — наконец, сдавленно отвечаю я.

Сжимаю дрожащие руки на коленях в кулаки, когда Дима переводит на меня тяжелый взгляд.

За свои поступки надо отвечать, милый.

— Папа, не уходи... — сипит Саша. — Не уходи.

— Я буду жить рядышком, — отвечает Дима и прижимает сыночка к себе крепко-крепко, будто боится, что тот сейчас исчезнет. Повторяет. — Рядышком. В доме через дорогу. Тот дом, — заглядывает в заплаканное лицо Вероники, — зеленой крышей.

Я недоуменно молчу, переваривая услышанное.

— Дим, какой дом? — тихо уточняю я.

Вероника вытирает слезы, и Саша тоже замолкает. Теревит край красной футболки и недоверчиво смотрит в лицо Дмитрия, который четко повторяет:

— Дом через дорогу. И чуток наискосок, — немного прищуривается. — Его же посуточно сдавали, а я думаю договориться, чтобы мне оформили долгосрочную аренду.

— Ты шутишь?

— Нет. И да, об этом я сейчас подумал, Лен, — пожимает плечами. — Мне кажется, это хорошая идея.

Дети не ревут.

Однако я готова перейти на крик.

Как Дима все хорошо сыграл. Дал Веронике и Саше надежду, что папа далеко не убегает и со мной ничего не обсудил.

Ведь я бы была против.

— Дим, это плохая идея, — осторожно говорю я. — Мы с тобой разводимся не для того, чтобы ты жил через дорогу.

— Не ты решаешь, где я буду теперь жить, — безапелляционно и строго заявляет Дима, а я сижу с открытым ртом.

И что мне делать?

Я могу сама с детьми переехать, верно, но новый стресс для детей, над которыми мы с Димой будем оформлять совместную опеку.

Да и далеко мне не уехать. В другой город свалить? Только с разрешения отца, который может в суде оспорить мой переезд.

— Дим...

— Может, мы сегодня пойдем и посмотрим этот дом, а? — с улыбкой обращается к детям, игнорируя мой разъяренный взгляд. — В объявлении написали, что есть бассейн.

Понимаю, что Дима хочет уменьшить урон для наших детей, но я не желаю, чтобы он жил через дорогу.

Мы разводимся, расходимся в разные стороны и если рвать, то рвать все окончательно. Без домов с зелеными крышами.

— Бассейн? — Вероника вытирает слезы.

— И качели.

— У нас тоже есть качели, — говорю я.

Но для детей не бывает достаточно качелей. Тот же наш Сашка при прогулках просит покачать его на каждой качели, которая нам встретится.

— Посмотрите на дом и скажите, хороший он или нет, — Дима поддевает нос нахмуренного Саши указательным пальцем и подмигивает.

Если я решу с детьми переехать, например, на другой конец Москвы, то он последует за нами?

— А мама с нами пойдет посмотреть твой новый дом? — Саша шмыгает и с надеждой, которая отзывается в моем сердце острой печалью, смотрит на меня.

— Нет, котенок, — мой голос дрожит. — Маме надо прибраться после папочки...

— Я вызвал клининг, Лен, — отвечает Дима.

Какой быстрый и продуманный у меня муж. Быстро сориентировался в ситуации. И клининг вызвал и вспомнил о том, что соседний дом сдаю в аренду.

— Идите переоденьтесь, — сдержанно улыбаюсь я детям.

Когда поникшие Вероника и Саша поднимаются на второй этаж, я в праведном гневе смотрю на Диму:

— Не надо жить с нами рядом, Дима. Чего ты добиваешься?

— Я должен быть рядом с детьми, — пропускает волосы сквозь пальцы и щурится. — Лен, я тебя очень прошу, не усложняй мне жизнь. Я не хочу быть с тобой врагами.

— Мы все равно разведемся, Дима, — отвечаю я и с усилием воли не отвожу взгляда.

— Я знаю, Лен, — кивает. — Были мужем и женой, станем соседями.

Глава 10. Так тяжело... Так страшно...

— Он меня не слушает! — повышаю в бессилии голос. — Он будет жить через дорогу. Мила молчит, а я сжимаю переносицу:

— Прости, что кричу.

— И ты, что, сейчас отпустила с ним детей?

— Он же не перестал быть их отцом, — неуверенно говорю я. — Он любит Веронику и Сашу. И он раньше с ним наедине оставался, гулял...

Но в груди нарастает тревога.

— Да и там с ними владелец дома, — пытаюсь успокоить в себе холодный озноб. — Мил, блин, не нагнетай.

— Я просто волнуюсь. Сегодня ночью ты бежала от него с детьми, а днем уже отпускаешь детей с ним. Я бы не пустила.

Хмурюсь и кусаю губы.

— Да и вообще, Лен, я бы оградила детей от него хотя бы на несколько месяцев, пока не докажет свою благонадежность.

Может, Мила права?

Блин, все-таки какая же я слабохарактерная овца.

— Но тебе виднее, конечно, — Мила вздыхает. — Может, тебе самой переехать, а?

— Так он за мной сорвется, — зажмуриваюсь от головной боли, что нарастает пульсацией в висках. — Да и дети, Мила. Может, пока хватит им испытаний?

— Я тебе говорила, что он начнет брать тебя измором, да?

Сажусь в кресло и буравлю недобрым взглядом завиток узора на ковре.

— Нет, Мила, я все решила. Да и не смогу я с ним после проститутки... Фу, блин, — кривлю губы.

— Но он будет рядом, — Мила чем-то шуршит на стороне, — вот будет забавно, если ты еще из окна увидишь, как он заказывает к себе девочек.

Мила смеется, и затем чем-то хрустит. Вздыхает.

— Ой, боюсь, Лен, что ты сдашь позиции, — разочарованно тянет. — Тогда зачем ночью бежала от него? Осталась бы, — цыкает. — Блин, не надо было мне детей с тобой отпускать, когда ты приехала. Дура.

— Мил, давай хотя бы ты не будешь сейчас мне мозги делать, — касаюсь холодными пальцами лбами. — Я и так с трудом держусь. Что я могу сделать, если он решил вот так? Он если что-то вбил в голову, то его не отговоришь. Или мне стоило закатить новый скандал? Я хочу выйти из брака тихо и спокойно, Мила.

Молчит. Провожу с нажимом по бровям в надежде хоть немного ослабить головную боль, но она становится еще глубже.

Стискиваю зубы и сглатываю.

— Когда он успел с владельцем связаться?

— Наверное, когда я вернулась к тебе за детьми, — пожимаю плечами. — Да и он с этим соседом, пока тот жил тут, неплохо общался... Каждый раз удивляюсь тому, насколько быстро он реагирует в сложных ситуациях. Никогда не паникует, блин.

— Тебе надо удивляться тому, что он любит спать с проститутками, — Мила обрывает меня чуть ли не на полуслове. — Я грубая, да, Лен, но ты сама просила тебя тормозить. Вот я тебя торможу. Лен, грустно, да, но все. Ты сейчас должна смотреть на него уже как на постороннего человека.

— Я понимаю, — всхлипываю и прикрываю рот рукой, — но... это так тяжело... так страшно...

Я срываюсь в тихий плач.

Время, конечно, лечит, но сейчас у меня обломаны крылья. Я знаю, что справлюсь, но я потеряла любимого человека, который обещала меня оберегать, любить и не предавать.

— Тише, милая, тише... — с сочувствием шепчет Мила. — Ты сильная. Ты еще встретишь достойного мужчину.

— Да нафиг этих мужиков! — возмущенно и громко отвечаю я. — Столько сил тратишь на них, детей им рожаешь, а они потом к проституткам бегут!

Накрываю рот и нос ладонью, и меня накрывает поток рваных истеричных всхлипов.

— Лена, ты себя не на помойке нашла, слышишь? Ты достойна лучшего, а не того, кто грязную шлюху натягивает, — Мила говорит твердо и уверенно. — Да ты из-за него заразу могла подхватить, если бы он решил все скрыть. Вытирай слезы.

— Он просто перепил... Был не в себе...

Как же не хочется верить в то, что меня ждет развод, и мозг начинает искать оправдания для Димы, лишь бы не было в моей жизни жестоких перемен и того будущего, в котором я буду засыпать в холодной постели.

— Не начинай! — рявкает Мила. — Все-так ты купилась на его бредни?! Был пьян?! Лена! Очнись!

А потом я вспоминаю засосы на его шее.

— Да, да, да... Мила, я с тобой согласна...

подхватываю с дивана пачку салфеток и с трудом достаю один бумажный плотный прямоугольник, который расправляю, мну и прикладываю к глазам:

— Ты права. Я себя не на помойке нашла, — промакиваю нос от жидки соплей. — Я справлюсь.

— Не вешай нос и подумай, как от муженька избавиться, чтобы он тебе нервы не трепал на соседней стороне улицы, — голос Милы смягчается. — И все-таки, наверное, стоит детям сказать правду.

— Нет, — в ужасе шепчу, — нет, Мила... Обойдемся без этой правды. Я не хочу настраивать детей против Димы.

— А, может, стоило? Не надо с ним играть в благородство, Лен. Да вы этой совместной опекой все нервы вытрепите детям. Пусть будет только мама, Лен, а папу нафиг.

— Так нельзя, — качаю головой.

Замираю, когда слышу, как открывается входная дверь.

— Все, Мила, давай... — торопливо шепчу.

— Вернулись?

— Да.

— Звони и пиши.

Сбрасываю звонок, встаю и нервно приглаживаю волосы. Выхожу к Диме и детям, которые разуваяются и шмыгают. Опухшие от слез.

Вероника поднимает на меня тоскливый взгляд, трет глаза и вздыхает:

— Папа сегодня уже от нас уедет?

— Да, — твердо отвечаю я.

— Но я буду через дорогу, Вероничка, — Дима приобнимает ее и переводит на меня темный взгляд. — Я снял дом. На год.

Глава 11. Мы с папой останемся друзьями

— Мамочка, — Вероничка ковыряется ложкой в манной каше и не смотрит на меня, — ты больше не любишь папу, да?

Замираю у раковины с полотенцем в руках.

Скажу, что люблю, тогда у дочери возникнут логичные вопросы. Если любишь, то почему папу выгнала?

Некоторые вещи детям не объяснить, но говорить о тете-проститутке и о том, что папа после нее стал грязным для мамы, я не стану говорить.

Когда подрастет...

Когда станет девушкой, которая сможет переварить такую информацию без глубокой травмы для детской психики, я, возможно, я с ней буду откровенной, как женщина.

Сейчас я мама.

— Это потому что он кричал?

Я оборачиваюсь через плечо, и Вероника поднимает взгляд.

Саша рядом с ней облизывает ложку и внимательно нас слушает, напряденно нахмурившись. Он вечерами теперь перед сном плачет, а ночами, бывает, просыпается от кошмара и зовет отца, а прихожу я и шепотом объясняю, что папа с нами больше не живет. И он опять плачет.

— Мы с папой останемся друзьями, — криво улыбаюсь. — Мы не чужие люди друг для друга. У нас есть вы, и мы так и остались мамой и папой для вас.

— Я хочу, чтобы мы опять жили вместе... — Вероника надует губы.

— Да, — насупленно кивает Саша и для того, чтобы донести до меня свою решительность, бьет грязной ложкой по столу.

Во все стороны летят манные брызги, парочка из которых прилетает мне на лицо: на нос и скулу.

— Не делай так, — перевожу на него напряженный взгляд. Вытираю вязкую манку с кожи полотенцем. — Сашенька, пожалуйста, не балуйся.

У меня кончаются силы и терпение.

Я сама уже начинаю думать, что я зря приняла решение развестись с Дмитрием. Может, он один единственный раз ошибся в своей жизни?

А если нет?

Откладываю под разочарованными детским взглядами полотенце и прижимаю пальцы ко лбу.

В любом случае, даже если это одна единственная ошибка, мы не сможем быть вместе.

Я не смогу лечь с Дмитрием в одну постель.

Не смогу его целовать и тем более принимать ласки.

Не смогу пойти на близость, потому что он и правда стал для меня грязным после проститутки.

А какая семейная жизнь без секса, поцелуев и объятий? Отвращение в любом случае разрушит наши отношения.

— Мамочка...

— Так, — убираю руку с лица и строго смотрю на Веронику и Сашу, — я понимаю, что вы скучаете по папе, но придется привыкать к новой другой жизни, в которой мама и папа отдельно. Мы вас меньше любить не стали, но...

В одной из книжек по воспитанию детей была глава, посвященная разводам. Я ее хотела пролистнуть, потому что для меня эта тема была неактуальной, но все же я ее прочитала.

Будто чувствовала.

Так вот. Автор там рассуждал, что в такой непростой и болезненной ситуации, как развод, мама должна быть уверенной, сильной и строгой. Ей нельзя покупаться на детские слезы и расклеиваться.

Утешить — да, но не потакать.

Дети должны принять решение взрослых, даже если им оно не нравится. Реальность изменилась, милые, и мы теперь живем иначе. В новых обстоятельствах.

Когда я прочитала эту статью, то ужаснулась тому, что автор предлагает быть с детьми довольно жесткими, но сейчас понимаю его точку зрения.

Мы можем сейчас все распустить нюни, но в итоге это нам никак не поможет справиться с последствиями гулянки Дмитрия и перешагнуть их.

— Мы вас любим, — повторяю я. — И папа не исчез из вашей жизни, а я не запрещаю его любить. Вот так мы теперь живем...

— А мне не нравится! — взвизгивает Вероника и крепко сжимает ложку.

— Ну, жизнь такая штука, Ника, — усмехаюсь, — что наши нравится или не нравится ничего не меняют.

Слышу, как из прихожей летит трель домофона.

— Папа! — Вероника откидывает ложку, от которой на стол летит веер манной каши. — Это папа!

Делаю шумный вдох и выдох.

— Папа! — Саша соскакивает со стула с ложкой, бежит прочь из кухни.

И ведь сейчас закинет эту ложку куда-нибудь под диван, а я ее потом найду при уборке.

Помню в подростковом возрасте, в пик гормональных взрывов, эмоциональных перепадов и бунта, я говорила маме, что никогда не выйду замуж.

Что я там потеряла?

Выходит, что в тринадцать лет я была куда умнее чем в двадцать три, когда стояла счастливая и в белом свадебном платье перед батюшкой.

— Бабушка? — доносится недоуменный и удивленный возглас Вероники обрывает новую трель домофона.

— Это не папа? — спрашивает Саша с толикой разочарования.

— Нет, это бабуля, — бурчит Вероника, — да, ба, открываю.

Бабуля?

Нет, это не моя мама. С моей мамой я вчера поделилась новостью, что мы с Дмитрием начали бракоразводный процесс. Новость приняли с оханьем, жалобами, что сердце закололо и потом все заполировали слезами.

Ко нам пожаловала моя свекровь.

Я не хочу ее видеть.

Не хочу с ней говорить.

Не хочу ничего обсуждать, и я почти готова ее грубо послать далеко и надолго. Щелкает замок входной двери, и я слышу грустный голос Веронички:

— Привет, ба.

— Вы же мои хороши, — отвечает ей хриплый голос свекрови, — дайте я вас обниму. Саша, куда пошел? Иди к бабушке. Я тебе кое-что принесла вкусенького.

Сжимаю полотенце.

Я знала, что свекровь заявится ко мне на беседу о нашем разводе.

— Мама где?

— На кухне, — вздыхает Саша. — Злая.

Глава 12. Я у вас совета не спрашиваю

Свекровь смотрит на меня.

Я на нее, скрестив руки в ожидании.

Она — высокая и худая. Лицо — в подтяжках. Губы — красные. Окрашенные в модный белаяж волосы собраны в небрежную дульку на макушке.

Марине пятьдесят шесть, и для своих лет она выглядит хорошо и холено. Спасибо за это ее дорогим косметологам.

Пахнет от нее сладким фруктовым парфюмом. Резковато.

Пусть снаружи она создает впечатление аристократичной женщины, но по своей сути — она громкая скандалистка, и мне с ней сегодня будет очень тяжело.

— Это что вы удумали? — спрашивает она и вскидывает острый подбородок. — Лена, какого черта? Какой развод?

— Такой, — пожимаю я плечами.

Выхожу из кухни в столовую, а после выглядываю в гостиную. Дети, похоже, бабулю послушали и пошли на второй этаж играть.

Вот чего не отнять у Марины, так это того, что дети ее слушаются. Либо они не хотят связываться, а то она начнет читать лекции, какие он непослушные и вредные дети.

Возвращаюсь на кухню и закрываю дверь.

— Лен, ты, конечно, всегда было птицей гордой, но, может быть, тебе стоит для начала хорошенько подумать...

Я сажусь за стол рядом со свекровью, разворачиваюсь к ней и с улыбкой тихо говорю:

— Ваш сын пришел от проститутки, — постукиваю пальцами по столешнице, чтобы немного скинуть напряжение, — пьяный. Весь в засосах. Агрессивный.

Марина медленно поднимает бровь в изумлении.

— О, так Дима вам не уточнил такую важную деталь, что у него была связь со жрицей любви?

— А я не от него о вашем разводе узнала, Елена, — медленно проговаривает Марина.

Когда она называет меня полным именем, то это означает одно — она, мягко скажем, негодует.

— Твоя мама позвонила и сказала, что вы разводитесь, — Марина немного прищуривается, что тоже — признак гнева, ведь она старается лишний раз не напрягать лицо, — а я ей не поверила, Елена.

— Ну, я подтверждаю ее слова, — с вызовом пожимаю плечами.

Молчит, поджав губы, и возвращается к чашке кофе.

— А вы не торопитесь? — вопрошает она, сердито глядя перед собой.

— Я повторяю, — вновь стучу пальцами по столешнице, — он был с проституткой.

— Ну, ты не подпускай его к себе несколько месяцев, пока не проверится пару-тройку раз, — подносит фарфоровую чашку к губам.

Я аж рот открываю от удивления.

Как у моей любимой свекровушки все просто.

— Вы серьезно? — в полном ахере приподнимаю брови.

— А что? — поворачивает ко мне надменное лицо. — Лен, знаешь, ты уже не девочка, чтобы вот так на истериках все разрушать. Нет бы сесть и подумать...

— Я села и подумала, Марина, и пришла к тому, что надо разводиться, — цежу сквозь зубы. — Он ко всему прочему чуть меня не изнасиловал.

Цыкает.

— Муж не может изнасиловать жену.

Вот тут я вообще выпадаю в осадок. Молчу и могу только в шоке моргать.

Я теряю терпение. Ох, я точно пошлю Марину матом, если она сейчас опять ляпнет какую-нибудь возмутительную глупость.

— Лен, у вас двое детей, — Марина вздыхает и накрывает мою ладонь своей, вглядываясь в мои глаза. — И ты не думай, что на Диму не найдется охочих женщин.

Меня передергивает от воспоминания, в котором пьяный Дима стоит передо мной вонючий и в засосах. Не смогу. Не смогу даже ради детей.

— Я думаю, что вам пора. Можете вопрос нашего развода обсудить с Димой, — медленно убираю ладонь из под ее руки, — а я для себя все решила.

— Не надо в таких вопросах торопиться, Лена. Мужики иногда срываются. Он просто перепил.

— Я у вас совета не спрашиваю.

— Лен, — замираю от громогласного голоса Димы. — Лен, входная дверь открыта! Я захожу!

Тишина, а после раздается топот ног.

— Папа!

— Папа!

— Я, конечно, и с ним тоже поговорю, — Марина делает глоток кофе, кривится и оставляет чашку. — Ты его передержала, — вновь смотрит на меня, — надеюсь, у тебя хватило ума детям не говорить о... — небольшая заминка. — Ты меня поняла.

— Лен, — на кухню заходит Дмитрий с хохочущим Сашей, которого перекинул через плечо. — Ну что, я детей забираю на сегодня? — замечает свою маму и на глазах мрачнеет. — Мам, что ты тут забыла?

Глава 13. Мы сами все решим

— Здравствуй, милый, — Марина медленно разворачивается на стуле к Дмитрию, который аккуратно спускает Сашку с рук.

Сашка жметя к нему и со вздохом крепко-крепко, насколько может, обнимает его:

— Я скучал, папа.

— Я тоже, сына, скучал — медленно проговаривает Дима, не спуская матери глаз. — Мам, давай на выход, а.

Похоже, он не ждал того, что ко мне заявится его мама. Он совсем не рад этому обстоятельству.

План был такой: он придет после завтрака, поможет детям собрать вещи и заберет Вероничку и Сашу на пару тестовых дней в тот самый дом через дорогу.

— Пап, — с другой стороны к нему жметя Вероника. — А мама нам купила новые чемоданы. Пошли покажем?

Свекровь зыркает на меня с намеком, мол, посмотри, как дети скучают по отцу, как они его любят и как им тяжело.

— А вы их собрали? — строго интересуется Дима.

— Нет... — хмурится Саша.

— Соберите, а потом зовите меня, — подталкивает их к двери, — вперед.

Теперь свекровь не просто зыркает, а смотрит на меня в упор. Какая все-таки бесячая баба.

Мы без нее, что ли, не разберемся?

Дмитрий закрывает за детьми дверь и вновь разворачивается в сторону Марины:

— Мама, мы тебя не ждали.

Кстати, Дмитрий в общении с матерью всегда старался быть сдержанным и при спорах с ней, при ее попытках придраться ко мне или научить вести быт, он принимал всегда мою сторону.

Марину это жутко злило, и она, обиженная мной и сыном, могла неделями со мной потом не разговаривать.

Поэтому странно, что она прибежала “спасать” нашу семью.

— Конечно, не ждали, — охает Марина и поднимается, — вы даже не удосужились сказать мне и отцу, что вы разводитесь, Дима. Я все понимаю. У вас отдельная жизнь, и нам если что и можно, то только сидеть тихонько в уголке и молчать...

— Да, именно, — Дмитрий мрачнеет на глазах. — Мам, я не нуждаюсь в советах. И, вероятно, Лена тоже.

— Ну, знаешь! — Марина повышает голос. — Мы с отцом живем в крепком браке, и у нас даже мысли не было развестись!

— Ты поэтому сейчас тут одна?

Марина, опешив на несколько секунд, открывает рот и замирает в возмущении.

— Давайте обойдемся без ссор, а? — я тоже встаю.

— Да твой отец еще ничего не знает! — рявкает Марина на Дмитрия, — а как узнает, то его удар схватит, — смотрит на меня, — Лен, ты понимаешь, что он человек пожилой.

— О, не приплетай сюда папу! — зло смеется Дмитрий. — И сердце у него выдержит.

— Так вот ты ему все и скажешь, да? — Марина в ярости подбоченивается и насмешливо вскидывает бровь. — Или сколько нам ждать, когда ты разродишься?

— Когда получу на руки свидетельство о расторжении брака, — Дмитрий подходит вплотную к матери и вглядывается в ее глаза, — мамуль, — цедит слова через зубы, — я тебя

очень прошу оставить нас. Если ты не заметила, то я не в духе сейчас. Да, мы с Леной разводимся, но это касается только нас.

— Еще и детей, — Марина поправляет ворот его белоснежной и идеально выглаженной рубашки. — Что вы насчет них решили? Не выйдет так, — она переводит на меня немного надменный и обеспокоенный взгляд, — что вы развелись, и мы с Геной будем внуков видеть раз в год и то после долгих уговоров.

Ясно.

Пришла якобы побороться за сохранение нашей с Дмитрием семьи, но на деле, как обычно, перешла к ненавязчивому обвинению во всех грехах.

Сейчас я — сука, которая начнет запрещать детям общаться с дедушкой и бабушкой по линии отца. Мы ведь в разводе.

Я даже не хочу оправдываться, потому что это глупость несусветная.

— Вот чего я боюсь, — Марина даже пускает слезу. — Дима, — смотрит на сына, — ты же этого не допустишь.

— Мам, уходи, — голос Дмитрия вибрирует на грани рыка. — Все вопросы о детях мы сами решим, ясно? И мы постараемся найти компромисс, который всех устроит.

— Поэтому я и не буду говорить ничего твоему отцу, — прижимает пальчики с идеальным острым маникюром к нижнему правому веку в попытке сдержать новые наигранные слезы, — потому что он на твоём месте был жестким. Ясно? Не позволил бы случиться разводу, или... — щурится, — дети бы с ним остались.

Глава 14. Мы ее приняли, как родную дочь

— Не вынуждайте меня матом вас гнать из моего дома, — надвигаюсь на свекровушку медленным шагом.

— Из твоего? — изгибает бровь. — Вы еще не развелись, а дом уже стал твоим?

— Девочки! — Дима встает между нами. — Хватит!

— Ты для этого отстаивал тогда у отца право жениться на Лене, чтобы в итоге развестись? — выглядывает из-за Димы. — А тебе бы не мешало вспомнить, что у тебя за душой ничего не было кроме сомнительного образования дизайнера-оформителя и низкой зарплаты во вшивой конторке!

— Все, хватит, мам, — Дима решительно хватается за руку и пытается увести. — Довольно.

— Да мне от вашей семьи ничего не надо!

— Кроме дома, да? — смеется свекровь. — И, наверное, еще машину бы тебе оставить, и внушительный счет с алиментами, да? А ты на эти алименты будешь жить препивающе, да? Ты же не за сантехника вышла замуж!

— Мама!

— Да как вы смеете?!

— Без трусов бы тебя оставить, и я бы посмотрела, как бы ты требовала развод! прекрасно знаешь, что мой сын хорошо воспитан и не оставит тебя с голой жопой, с которой взял тебя в нашу семью!

Дима с рыком буквально выволакивает Марину из кухни.

— И ты до сих пор на ее стороне!

— Мама, прекрати! Что ты устроила?!

У меня руки дрожат.

Раньше так в открытую мне никто не говорил, что я вышла за Дмитрия с голой жопой и что у меня к нему был меркантильный интерес.

Это неправда.

Будь он сантехником, то я тоже вышла за него замуж. Не смотрела я в его кошелек, на статус его семьи и перспективу обогатиться за его счет.

Прижимаю пальцы переносице.

Как же погано.

— Ты ей устроил красивую жизнь, а она от тебя отказывается! Вот так просто! Потому что знает, что может с тебя хорошенько содрать!

— Да что с тобой сегодня, мама?

И ведь после Марина будет действительно очень удивлена, когда я выскажусь против того, чтобы мои дети гостили у нее.

А я буду против.

Отлично сыграна, Марина.

Я, как минимум, буду сукой в глазах свекра.

— Мы ее приняли, как родную дочь...

Нарастает желание схватить сковороду и хорошенько ею огреть придурочную свекровь, чтобы мозги встали на место.

Но ведь не поможет.

— Мама, это наше дело, ясно! И есть серьезная причина! Ясно?

Да знает она о причине развода, но для нее проститутка — глупая мелочь, которую не заслуживает серьезного внимания.

Мужа надо лишь пожурить, дождаться анализов и дальше жить. У нас же дети, которым нужен отец.

— Да она только ждала повода! Тебе стоит об этом серьезно подумать перед встречей с адвокатами!

У тети, похоже, и мозги залиты ботоксом и не функционируют, как и мышцы лица.

— С каждой будешь в такое благородство играть, то ты останешься в итоге без детей, без денег! Все, я ушла. Я свое мнение высказала, а вы люди взрослые, делайте свои выводы!

Закрываю глаза.

Поэтому никто и не говорил Марине о нашем разводе, потому что мы знали, что вряд ли получим адекватную поддержку или хотя бы отстраненное ожидание итогов.

Выдыхаю и собираю со стола грязные ложки и миски с остатками засохшей манной каши. Нервно кидаю в раковину и заливаю водой.

— Слушай, Лен, я матери ничего не говорил.

Я стою к Диме спиной и собираюсь даже оглядываться.

— Это моя мама нас сдала, — опираюсь руками о край раковины. — Наверное, тоже не стоило раньше времени говорить. Сейчас начнется паломничество равнодушных родственников.

— Вероятно, — в голосе Дмитрия проскальзывает раздражение. — Твоя мама никогда не умела держать язык за зубами.

— Я знаю, — крепко сжимаю челюсти, — но я не думала, что она позвонит твоей матери... Они же друг друга терпеть не могут.

— Ну. Вот теперь подружиться на волне нашего развода...

— Это вряд ли, — хмыкаю я. — Мы же вам не ровня...

— Лен, хоть ты не начинай, — Дима огрызается в гневе, что все-таки вырывается из него. Выходит из кухни, — пойду к детям. Поторплю их.

Глава 15. Подруга всегда поддержит

— Вот и пошла эта сука в жопу, — зло заявляет Мила. — Вот стерва старая. Тоже мне высшее общество.

Мы стоим у калитки и смотрит на дом через дорогу.

— Значит, все-таки он не оставил эту идею рядом жить? — Мила фыркает. — Ты как? Держишься?

— Держусь, — киваю и открываю калитку. — Пойдем. Что толку паялится?

— Молодец, что держишься. Держись, Ленок, — Мила заходит за калитку, — они сейчас толпой еще на тебя насядут и обвинят, что это ты разрушаешь семью.

Шагаем по дорожке.

У меня сердце не на месте.

Хочу ворваться в этот дом с зеленой крышей и проверить, все ли с моими детками в порядке? А после забрать и запретить общаться с Димой.

— Слушай, — Мила оглядывается, — может, ты все-таки позвонишь владельцу дома и... ну, знаешь... на войне все средства хороши.

— Ты о чем?

— Придумаю что-нибудь, что напугает владельца дома, и он попросит Диму съехать

— Мила, это глупо.

— Может быть, — пожимает плечами, — но с бывшими мужьями лучше не жить близко, — у крыльца вновь оглядывается, — сорвешься, ведь.

— Не сорвусь, — мрачно отвечаю я и поднимаюсь по ступенькам.

— Может, тебе нравится, что Дима под боком, — Мила подается ко мне с ехидной усмешкой, — а?

— Прекрати, — прохожу в дом и скидываю стоптанные тапочки, — мне это не нравится. Меня это нервирует.

— Тогда надо что-то решать.

Вот как мне объяснить Миле, что ничего не решишь с Дмитрием ничего, если он этого сам не захочет.

Он решил, что должен жить рядом с детьми, то он будет жить рядом с ним, даже если мы сбежим на Луну.

Да и не позволить он нам никуда сбежать.

Он хотел Вероничку и Сашу, ждал их и любит, поэтому мне не избавиться от него окончательно.

— А сам Дима что? — спрашивает Мила, когда мы садимся за стол выпить чая. — Достает с разговорами и с “прости, любимая, я так больше не буду”?

— Нет, — отмахиваюсь.

И мне даже немного обидно, что Дима не пристает ко мне с такими разговорами, не уговаривает, не падает на колени.

Я бы, конечно, на все это не купилась, но мое женское эго он бы погладил.

— Слушай, но это же пипец, — печально подытоживает Мила и подпирает лицо кулаком, — ты ему, похоже, не нужна.

Поднимаю на нее взгляд.

Глубоко полоснула. Я об этом тоже задумывалась.

— Так легко согласился на развод? — Мила насмешливо вскидывает бровь. — Понятное дело, что получил от ворот поворот, но сам факт. Дети нужны, а ты нет.

Сейчас разревусь.

Больно, но похоже на правду. Мужчины, которые любят женщину, борются и добиваются разговоров, а тут он только хмуро согласился, что нас ждет только развод.

— Мама! — раздается крик Веронички и хлопок двери. — Это я! Я за мячом прибежала! Напряженно переглядываюсь с Милой.

— Папа остался у ворот! Я одна дорогу не переходила, хотя я ведь умею!

Топот ног по лестнице, и Мила шепчет:

— И вот так вы будете жить?

Я молчу и раздраженно массирую переносицу.

— Это же, с другой стороны, и удобно, — невесело хмыкаю я. — Не надо далеко везти детей к папуле. Через дорогу перевел и всучил...

— А потом этот папуля привел деток за мячиком.

— Мам! — опять топот ног. — Мяч нашла.

— Хорошо! — повышаю я голос, чтобы дочь меня услышала. — Ты все взяла, что тебе нужно?

— Вроде, да!

— Поговори с ним серьезно, что так нельзя.

— Мила, я говорила с ним, — цежу сквозь зубы и бью кулаком по столу, — только он ему до одного места мои разговоры.

— Ты понимаешь, что он тебя даже вот в таких ситуациях не уважает? — Мила заглядывает в мое лицо. — Очерти рамки с ним и детьми, а то будешь для них терпилой.

Сжимаю переносицу. Хочешь быть мудрой, а в итоге становишься терпилой. Это мне, что, придется становиться скандальной сукой, чтобы донести до Димы и до детей, что должны быть правила в наших новых отношениях.

Если вы у папы, то у папы. Если у мамы, то у мамы.

Они же будут бегать туда-сюда, если не притормозить.

— Мам!

— Что?

— Я еще взяла скакалку!

— Сейчас встань и иди с ним поговори, — Мила подается в мою сторону. — И заблокируй калитку, чтобы не устраивали эту бегогню. Лен, в самом деле, они же тебе все нервы вытрепят. Границы, Ленусь! Границы!

Глава 16. Мама не будет скучать?

— Дима! Ты понимаешь, что это неправильно?! — шиплю на мужа, который совсем скоро станет бывшим.

Он внимательно следит, как Вероничка с мячом и скакалкой переходит дорогу. У калитки дома с зеленой крышей она машет нам рукой и улыбается.

Дима тоже ей машет

— Дима!

Вероничка скрывается за калиткой.

— Что ты разоралась? — он переводит на меня сердитый взгляд. — Что ты завелась на пустом месте?

— Если дети у тебя, они не должны ко мне бегать!

— Мы просто мяч взяли, Лена! — Дима тоже повышает на меня голос. — Тон сбавь!

— Купи себе свой мяч!

— Куплю, — наклоняется ко мне и зло вглядывается в глаза. Повторяет, — куплю. Можешь успокоиться.

— Я для тебя терпила, что ли?

— Да что ты несешь?

Вздыхает и поднимает взгляд на облака, намекая, что я сейчас веду себя как истеричка. Шумно вдыхает и выдыхает.

— И детям надо сказать, что вот такая беготня неприемлема, Дим. Я серьезно. Жил бы ты на другом конце города...

— Но я живу здесь, — вновь смотрит на меня. — И тебе с этим придется смириться.

— Мы скоро будем в разводе!

— А то я, блять, не в курсе! — гаркает он на меня и резко замолкает. Выдерживает паузу с шумным выдохом и переходит на напряженный шепот. — Лен, выдыхай. Мы просто забрали мяч. Решили поиграть. Я принял, что надо купить себе другой мяч. Кстати, может, сегодня и сходим в игрушечный.

Переиграл.

Он же накупит всякой бесполезной, но очень дорогой фигни, которая станет для него плюсиком в карму. Он будет хорошим полицейским, а плохим и до кучи еще и истеричным, который заводится из-за тупых мячей.

— Я пойду, Лен, — делает несколько шагов к дороге. — Я тебя понял. Лишний раз тебя не дергать.

— Это вопрос уважения, Дима.

— Ты о чем? — оглядывается.

— Мы в разводе, и у нас должны быть правила, понимаешь?

— О каких правилах речь?

— Ты, что, не понимаешь?

— Да, блять, не понимаю! — опять повышает голос. — Лена! Ау! Это твоя дочь забежала за мячиком! Да, она забыла мячик! И ей теперь боятся домой заглядывать, чтобы тебя не разозлить?

— Должна быть дисциплина, Дима! Они должны понять, что мы больше не вместе! — я в отчаянии почти кричу. — Это так сложно понять? Ты так только хуже делаешь для них! Для их психики!

— Зато ты своими скандалами очень полезна для их психики? — смеется. — Что-то я не улавливаю логики.

— Не было бы скандалов, если бы ты не... — я вовремя замолкаю, потому что из калитки дома напротив выглядывает Саша. Перехожу на шепот. — Не надо сваливать на меня вину того, к чему мы пришли.

— Мам! А ты с нами будешь играть? — кричит Саша. — Мам!

— Я тебе про это и говорила, — всматриваюсь в лицо Димы в надежде, что до него доперла вся абсурдность ситуации.

— Мы с тобой, Лен, не враги, — рычит Дима, — но ты прямо добиваешься того, чтобы мы друг друга возненавидели. Все, я ушел.

Торопливо переходит дорогу, и Сашка выходит к нему:

— А мама?

— Мама занята, сына.

— Чем? — смотрит на меня и кричит. — Мам, а чем ты занята? Мам! Пойдем играть!

— Не надо маму отвлекать, — Дима подхватывает сына на руки, а затем под его хохот перекидывает через плечо. — Мы и втроем неплохо сыграем.

— Мама не будет скучать одна? — долетает до меня обеспокоенный голос Саши.

— Мы ее позвали? Позвали, но она занята, — калитка за Димой закрывается, и я улавливаю обрывки смеха нашего сына.

Может, правда, позвонить владельцу дома и сказать, что Дима, например, пьяница? Нет, слабовато.

Наркодилер? И он в розыске?

Господи, какая глупость.

Закрываю за собой калитку, и меня на дорожке ждет Мила с круглыми глазами:

— Это капец, Ленусь, — подходит ближе и в ужасе шепчет. — В каком тоне он с тобой говорит... у меня аж внутри все похолодело, Лен, — прикрывает рот ладонями, — это ужасно. Ты уверена, что с ним можно оставлять детей?

Глава 17. Не трогай меня!

Настоящее время

Моя подруга ждет ребенка от моего бывшего мужа?

— Знаешь, что? А мне все равно, — смеюсь лицо Милы, которая пускает слезу. — Ты, права, он мне бывший муж, а ты теперь, — улыбаюсь, — бывшая подруга.

— Лен, я же не специально... — пытается опять схватить меня за руку.

— Не трогай меня, — отмахиваюсь от нее и отступаю.

Нарастает желание перевернуть на нее стеллаж и похоронить под банками маринованных огурцов и помидоров.

— Вы же не вместе, Лен...

У меня глаз дергается.

— Да и ты сама от него отказалась, — Мила разводит руками в стороны. — И ты ведь говорила, что ты будешь только рада, если он найдет себе любимую женщину. Говорила же?

— Не тебя!

С одного и другого конца прохода на нас смотрят удивленные сотрудники супермаркета и покупатели.

Всем очень интересна ссора двух подруг, которые еще только пять минут назад мило ходили между рядами и тихо ворковали.

А сейчас готовы вцепиться друг другу в пайлы.

— Ты моя подруга!

— И что? — Мила охает. — У тебя какое-то исключительное право на Диму? Он тебе не муж! — повышает голос. — Я не уводила его у тебя!

Смотрю на нее и нервно на грани тихой истерики смеюсь.

Боже мой.

Какой же я была душой. Я дружила с самой настоящей крысой, которая только и ждала, когда я и Дима разведемся, чтобы подлезть к нему.

И вроде же не сука для общества.

Она не крутила пашни с женатым, но ведь умолчит о том, как она планомерно меня настраивала против Димы. Как умело и незаметно подкидывала щепки в наши ссоры под соусом беспокойства и заботы обо мне.

— Ты собака на сене, Лена!

— Вот как?

— А что нет? Вроде мужика выперла из своей жизни, а как нервы ему мотала? — Мила окидывает меня снисходительно-неодобрительным взглядом. — Ты сама орала на каждом углу, что он тебе не нужен!

— Но это не значит, что ты могла вот так со мной поступить!

— Как?! Он свободен! Ясно?! Да, мы переспали! И я, — он делает ко мне шаг, — ко мне ни о чем не жалею. И он не жалеет, потому что ему было со мной хорошо. И он очень изголодался по женщине.

Я одариваю Милу сильной и звонкой пощечиной, кто-то позади охает и причитает:

— Да что же это такое творится, бабоньки? Охрана! Где охрана?

Мила прижимает ладонь к щеке, смотрит себе под ноги и усмехается. Поднимает взгляд. Сколько в нем презрения и высокомерия.

Моя верная подруга, которая всегда меня выручала и была рядом в сложные моменты жизни, обратилась в какую-то злобную ведьму.

— Ты дура, Лена, — улыбается, — и всегда ею была. Твоя свекровь права, Лен. Мозгов у тебя с грецкий орех.

У глаз дергается и медленно отступаю. Не стоит покупаться на ее провокации. Надо просто уйти и не скандалить.

— Да, тупая. И ведь ты из тех куриц, которые считают, что они особенные, да? Что они незаменимы для мужчины, — Мила шагает ко мне мягко и беззвучно, — вот что в тебе такого особенного? Твои истерики?

В груди колет, и я медленно выдыхаю.

— Ты ничего не стоишь, Лена, а самомнение у тебя оного какое, — Мила усмехается. — Я до сих пор не могу понять, что Дима нашел в такой блеклой дурнушке как ты?

Сжимаю вспотевшей ладонью ручки сумки.

А, может, нафиг все приличия серьезной взрослой женщины? Может, мне сейчас отметить эту крысу сумкой, чтобы хотя бы получить моральное удовлетворение?

— Ты была тупой клушей, Лен, и как ты этим гордилась? — Мила закатывает глаза и с завистью вновь смотрит на меня, — и ты все просрала. Какой кошмар, мужик выпили лишнего! Какая трагедия!

Вот гадина.

Дима своей попойкой и проституткой сыграл этой твари на руку. Наверное, она давно выжидала момент, чтобы подгадить мне и занять мое место.

И неужели займет?

Если меня она так обвела вокруг пальца, то могла и Диму очаровать. Она — эффектная брюнетка с сочными губами, высокими скулами и томным взглядом, когда это требуют обстоятельства.

— Ты сама подвинулась, Лен, — победоносно приподнимает подбородок, — сама освободила своего самца. Богатого успешного самца, а сама ты — бледная моль, у которой второго шанса выиграть такую лотерею не будет. Сегодня я, наверное, и обрадую Диму, что он станет отцом. Зачем тянуть, верно?

Глава 18. Я все знаю

— Вас сняли камеры, — усатый охранник меланхолично поднимает и опускает пакетик чая в пластиковый стаканчик с кипятком. Переводит на меня взгляд. — Точно заяву напишет. И столько свидетелей.

Сдуваю локон со лба.

Сейчас я ни о чем не жалею.

Мида меня все-таки вывела из себя, и она получила от меня сумкой раз десять, а после я потягала за волосы и хотела разбить банку огурцов о ее голову, но меня остановил охранник.

— Мужа увела? — спрашивает охранник и придвигает пластиковый стаканчик с чаем в мою сторону.

В его коморке тесно и пахнет вяленой рыбой, а на стене висят детские рисунки с елочками, солнышком и цветными человечками. Охранник замечает мой взгляд и говорит:

— Внучка нарисовала. Наверное, будет художницей, — улыбается, а потом печально вздыхает. — Как так получилось, что у вас мужа увели?

— Бывший он мне, — тихо отвечаю. — Она снюхалась с моим бывшим мужем.

Начинаю злиться на Диму.

Да, он сейчас мужчина свободный, но спать с лучшей подругой жены — все равно гадко.

Касаюсь лба холодными пальцами:

— Мы развелись год назад.

— Из-за этой мымры?

— Нет.

В памяти опять всплывает пьяный Дмитрий. В засосах и царапинах от ногтей страстной продажной девки.

Меня передергивает.

Нет, я бы все равно развелась, и Мила не сыграла в нашем разводе играющую роль.

Мне было бы противно находиться с тем, кого целовали грязные губы проститутки.

— Фу, блин, — зажмуриваюсь и сглатываю ком тошноты. — Неважно, почему мы развелись. Была серьезная причина.

— Причина “фу, блин”, — подытоживает охранник и опять вздыхает.

Я прячу свою неловкость за стаканчиком с чаем.

И эта причина “фу, блин” мне не дает теперь спокойно смотреть ни на одного мужика. Ни на молодого, ни на старого.

Каждый из них может оказаться тем, кто имел контакт с проституткой. Если мой муж, в котором я была уверена на тысячу процентов, связался с продажной шлюхой, то...

Мало того, что с проституткой повеселился, так через год после развода полез на мою лучшую подругу.

Через год!

Ладно, прибавим еще четыре месяца нашего бракоразводного процесса. Год и четыре месяца!

И неужели рядом не было другой женщины, с которой он мог завести отношения?

Отставляю стаканчик и закрываю глаза:

— Я заплачу за ущерб и можно я уже пойду?

Может, Мила опять врет и нет никакой беременности?

Хотя какая мне разница? Я же отпустила Диму и решила, что не могу быть с ним вместе.

Будто почувствовав, что я сижу в каморке охранника и вспоминаю о нем, глядя на яркие рисунки незнакомой мне девочки, он мне звонит.

Я около минуты пялюсь в телефон и не моргаю.

— Ответьте, — советует охранник. — И дайте угадаю, бывший муж?

— Да, — киваю и хмурюсь.

Не хочу слышать его голос. Не сейчас. Мне нужен хотя бы час, чтобы прийти в себя после откровений Милы.

Или она уже успела ему поплакаться, что его неадекватная бывшая жена-истеричка отмудохала ее сумкой и угрожала разбить голову банкой огурцов?

Ого, у них уже настолько близкие отношения, которые подразумевают жалобы и защиту?

— Вот козел, — выдыхаю я, как разъяренная антилопа, и принимаю звонок. — Да, я слушаю.

Я не буду бояться бывшего мужа. И если он сейчас выскажет мне претензии, что я обижаю его милую Милу, то он сильно пожалеет. Я ему все выскажу.

— Что у тебя с голосом? — недоуменно спрашивает Дмитрий, и у меня начинают дрожать руки.

— А что с ним? — с вызовом отзываюсь я и кривлю губы.

— Господи, Лен, ты в своем репертуаре, — раздраженно цыкает Дима. — Понял. Лишних вопросов лучше тебе не задавать.

— Зачем ты звонишь?

Даже я сама слышу, как мой голос сочится злобой и неприязнью. На той стороне несколько секунд молчания, а потом Дима говорит:

— Наш сын подрался.

Теперь недоуменно молчу я.

— Серьезно подрался, Лена. Бровь однокласснику рассек и чуть глаз не вышиб, — Дима продолжает мне шокировать. — Позвонил директор. Вызывает нас в школу.

— Подрался?

Мне становится холодно. Сашке же только недавно исполнилось семь, а нас уже из-за драк вызывают в школу?

Хотя не мне возмущаться. Я тоже сегодня подралась.

— Да. Не первый класс, а какой-то бойцовский клуб, — тяжело вздыхает Дима, — Ты можешь сейчас подъехать в школу?

— Да, — я взволнованно встаю и прижимаю к груди сумку.

— Я тоже там буду через сорок минут.

Мы молчим, и почему-то никто не торопится сбрасывать звонок. К горлу подкатывает ком слез и гнева, и я шепчу:

— Мила залетела от тебя, и сегодня она обрадует этой новостью.

Глава 19. Тебе стоит выдохнуть

— Моему сыну наложили швы! — в ярости верещит Катя, мама одноклассника, которому Сашка рассек бровь.

Тощая шатенка я ярко-красными губами. Она нашла время, когда намалевать лицо.

— Мы с ним переговорим, — тихо и спокойно отвечает рядом со мной Дима.

Стоим у кабинета директора. Там за дверью затих наш сын.

— Наш Ваня теперь уродом будет!

— Ваш сын слишком агрессивный, — поддакивает Кате ее пузатый муж. — Если он в первом классе такой, то во втором уже кого-нибудь убьет?

— Мальчишки просто подрались, — Дима вздыхает. — Бывает. Что-то, видимо, не поделили.

— Вы уголовника растите! — взвизгивает Катя. — Было столько крови! Весь пол был залит кровью! А ваш сын... Звереныш! Вот кто!

— Мы выясним обстоятельства, — вежливо и отстраненно улыбаюсь я.

Я бы, наверное, тоже кричала, если бы моему сыну кто-то рассек бровь острым камнем, но я сейчас та мать, которая плохо воспитала ребенка.

— Я соберу родительский комитет и мы будем обсуждать вопрос исключения вашего сына, — шипит Катя, а ее муж рядом кивает, — его надо в спец-школу! Желательно с решетками на окнах, высоким забором и колючей проволокой. Он опасен.

— Мы это уже слышали, — устало отзывается Дима.

Катю просто разносит на куски от безучастного тона моего бывшего мужа. И сейчас я солидарно с ней. Таким же тоном он ответил на мою, новость, что Мила ждет от него ребенка:

— Ясно. Через час у директора.

И при встрече тоже был лишь немного раздраженным из-за того, что долго не мог найти парковку.

— Слышали?! — взвизгивает Катя. — Ох, помяните мое слово! Ваш сын точно угодит за решетку, а вы, я так понимаю, будете его вытаскивать и откупать, да?

Дальше она верещит о компенсации и опять предсказывает Саше будущее, в котором он уже крышует организованную преступную группировку.

Ничего не могу сказать против ее претензий, потому что это ее сын пострадал от руки нашего.

— Мы поняли! — Дима повышает голос и переходит вновь на спокойный тон. — Давайте вы обсудите вопрос компенсации через моего адвоката, — лезет во внутренний карман пиджака.

Вытаскивает небольшую записную книжку и ручку. Через минуту протягивает мужу Кати листочек с номером телефона:

— Через адвоката. Такие вопросы решаем только через адвоката.

— Уходите от ответственности? — хмыкает Катя. — Умно! И чему вы научите сына?

— Еще раз, все вопросы о денежной компенсации обсуждает через адвокатов, — Дима переводит на нее строгий и холодный взгляд. — От ответственности никто не уходит, Екатерина, но крики я больше терпеть не буду.

Катя напряженно выдергивает из его пальцев листочек с номером телефона и кидает тихую угрозу:

— Мы доведем это дело до конца.

Вскидывает подбородок, разворачивается на носочках и гордо дефилирует прочь, громко цокая каблуками. Ее муж следует за ней и приглаживает волосы:

— Что за дети сейчас пошли?

— Это они у родителей такому учатся!

Накрываю лицо рукой.

— Тебе стоит выдохнуть, Лен.

— Выдохнуть, — убираю руку с лица и поднимаю взгляд на бывшего мужа. — Наш сын дерется до серьезных травм, а его папа с маминой подругой заделывает третьего ребенка.

— Я не буду обсуждать твою подругу в школе у кабинета директора, Лен.

— Да мне хватило разговора с Милой, — усмехаюсь. — Ты другую женщину не мог найти, Дим?

Смотрит на меня исподлобья и медленно моргая, намекая, чтобы я заткнулась.

— А, может, ты на нее слюни пускал и в нашем браке, раз ты так быстро на нее залез? — зло шепчу я.

— Знаешь, так-то прошло больше года.

Дима шагает к двери, которую услужливо распахивает передо мной. В приемной директорского кабинета нас встречает с улыбкой полная женщина:

— А вот папа и мама нашего разбойника. Заходите, — кивает на дверь позади себя. — Ждут вас. И молчат как партизаны.

— Давай, Лен, — Дима оглядывается, — свое внимание все же сфокусируем на сыне. Это было бы рационально.

Глава 20. Зачем вы развелись?

Насупленный и красный Сашка сейчас сильно похож на отца. И да, на все вопросы молчит.

Мой сын не мог без причины накинуться на другого. Он не агрессивный мальчик. Значит, что-то случилось. Что-то его допекло, раз он взялся за камень.

— Где вы были? — спрашивает Дмитрий у учительницы Саши Ангелины Савельевны.

— Я была с детьми.

Ангелине Савельевне двадцать семь лет. Симпатичная девушка с большими карими глазами и приветливой улыбкой.

— Я отвернулась и вот, — вскидывает руку в сторону Саши, — он камень притащил в класс.

— То есть все произошло в классе? — Дима вскидывает бровь.

— Дмитрий, — директриса заискивающе улыбается, — конечно, вы, как отец...

— Я, как отец, в курсе, что вы тоже не отвертитесь от ответственности, — Дима усмехается. — Драка произошла на территории школы.

Ангелина Савельевна пытается оправдаться, что вот только на секунду отвернулась, но Диме все равно на ее слова и улыбки директрисы, которая тоже пытается вывернуть ситуацию в своих интересах.

— Нам же скандалы не нужны...

Саша так и молчит. Скрестил руки на груди и смотрит перед собой, надув щеки.

— Милый, — пробегаю пальцами по его волосам. — Расскажи, что случилось? Я ведь знаю, что просто так ты не стал драться.

У него на глазах выступают слезы. Он шмыгает и поджимает губы, пытаясь сдержать в себе плач.

Здесь он ничего мне не скажет.

— Пока дети в школе, — Дима не отводит взгляда от пунцовой и сердитой директрисы, — они под вашей ответственностью. Вы отвечаете за их безопасность.

— У вас мальчик просто неуправляемый...

— Я это уже слышал, — Дима обнажает зубы в предостерегающей улыбке, — вы зря думаете, что я сейчас испугаюсь и просто откуплюсь от родителей... как имя этого мальчика...

— Максим, — бурчит Саша и вновь замолкает.

Аж дрожит от напряжения и опять идет красными пятнами гнева.

— И просто откуплюсь от родителей Максима, а вам удастся замять этот вопрос, — Дима продолжает улыбаться.

Я встаю и решительно беру Сашу за вспотевшую руку. Он поднимает на меня недоуменный взгляд.

— Пока обсудите все вопросы с моим мужем, — смотрю на сына. — Идем.

— Но... — хочет возразить Ангелина Савельевна и замолкает, когда я на нее оборачиваюсь.

— Я не думаю, что моему сыну стоит находиться при этом разговоре о компенсациях и ответственности. В том числе и вашей. С сыном я отдельно поговорю. Не при вас.

Увожу молчаливого Сашу из кабинета директора.

— Папу бросили, да? — смеется секретарша директрисы, но я ее игнорирую, и мы с Сашей торопливо выходим.

Плтемся по пустому коридору, сворачиваем к закутку у столовой со скамьями у стен и садимся.

— Саш, ты со мной не поделишься, что у вас с Максимом произошло? — приглаживаю его волосы и поправляю воротничок белой рубашки. — Я не буду ругаться, но я должна знать.

Шмыгает и ковыряет стрелку левой брючины. Опускает лицо и шепчет:

— Говорил гадости.

Так. Вот это уже ближе к истине. Саше не любит, когда другие дети обзываются, и это ведь нормально. Никому не нравится слушать про себя гадости.

— Какие?

— Про тебя гадости говорил, — еще тише отвечает Саша и сжимает кулаки.

Он бы и сейчас кинулся на Максима, если бы тот оказался рядом.

— Какие?

— Он говорил, — Саша судорожно выдыхает, — что ты разведенка. И поэтому... поэтому шлюха...

Его голос начинает дрожать и слезами, и гневом:

— А я сын шлюхи, — выдыхает через нос, и его ноздри вздрагивают. — Сын разведенки и шлюхи.

У меня начинает тянуть сердце. Какие жестокие слова, и ведь первоклашка сам вряд ли мог до них додуматься. Про разведенку и шлюху Максим, вероятно, услышал от родителей.

Вот кому надо по голове камнем дать.

— Он так и повторял, — Сашу трясет, и он передразнивает чужой голос, — разведенка и шлюха. Разведенка и шлюха.

Так он вступился за мою честь? Притягиваю его к себе и крепко обнимаю, прижав щеку к его макушке.

К нам выходит мрачный Дима, и Саша обиженно сипит:

— Зачем вы развелись?

Глава 21. Она не лгала...

— Это было ожидаемо, что однажды случится, — говорит Дима.

Я поскрипываю зубами, потому что улавливаю в голосе бывшего мужа нотки обвинения.

Мы стоим у окна гостиной и смотрим на улицу. Сашка на заднем дворе мрачно покачивается на качели, глядя на свои грязные ботинки.

Всю дорогу домой он молчал после своего простого, но отчаянного вопроса зачем мы развелись.

А зачем люди разводятся?

Чтобы не быть вместе, однако в реальности все куда сложнее. Я развелась с Димой, но так и не избавилась от него, потому что у нас — дети.

— Что значит “было ожидаемо”? — поднимаю на него взгляд.

— То и значит, — тихо и надменно отвечает Дима. — Он учится среди детей, у которых полные семьи. Папы и мамы вместе.

— И что?

Точно. Он сейчас обвиняет меня в том, что я не сохранила семью. Для всех родственников — я дура, которой под хвост вожжа попала, и меня понесло.

— Ты сама спросила, что значит мое “было ожидаемо”, а я ответил, — вновь смотрит в окно. Молчит и с угрозой тихо цедит, — я от директора, от учителя и этой школы ничего не оставлю за травлю... И этих Гобиных...

Ух, какой злой.

Скрещиваю руки на груди и поджимаю губы.

От травли Сашу можно спасти, но ведь проблема куда глубже. Он хочет, чтобы мама и папа были вместе, но мне легче достать для него звезду с неба или пегаса украсть из страны фей.

Но его ждет скоро еще одно потрясение.

Он узнает, что мамина подруга, которая ему очень нравилась и которая его всегда смешила, ждет малыша от его папы.

— Пойду поговорю с ним, — Дима поправляет галстук.

Он так делает, когда злится и нервничает.

Голос может быть спокойным, взгляд отстраненным, но вот этот быстрый и напряженный жест сдает его с потрохами.

Вот теперь вопрос.

По большей части из-за чего он сейчас злится?

Из-за того, что его ребенок стал жертвой травли? Если так, то задумывается он о том, что это лишь последствия его ночи с проституткой? Или виновата?

Или его гнев родился из-за того, что я в курсе его связи с моей подругой?

Он же молчал, что снюхался с ней, и не спешил раскрывать карты.

— А со мной ты не хочешь поговорить?

— Я так понимаю, что ты намекаешь о Миле, — Дима усмехается, — нет. Не хочу. Я и так знаю, что ты начнешь говорить.

— Да ты что?

— Да, — Дима пожимает плечами и наклоняется ко мне, — и я тебе отвечу. Это - мое личное дело, Лен. Или ты считаешь, что я должен завязать член в узел, потому что однажды был женат на тебе?

— Но не в мою подругу же тыкаться!

— Сама решу в кого тыкаться, — цедит сквозь зубы. — Я тебе предлагал несколько месяцев назад попробовать опять сойтись. Предлагал?

Напирает на меня, и мне приходится отступить, но опять делает шаг ко мне, будто пытается загнать в ловушку.

— Предлагал, Лен, — его голос вибрирует гневом. — Ты мне что ответила?

После того монолога, в котором он обещал, что не повторит ошибки, и говорил, что ему тоскливо без семьи, я ему твердо отказала.

Я же не терпила и не верю во вторые шансы. Наш брак треснул и развалился, а его родственники теперь в открытую презирают меня и недолюбливают, ведь я опозорила их разводом.

Дима с молчанием принял мой отказ, посидел минуту на диване и ушел без слов. Может, он тогда с Милой и решил повеселиться? Он около двух недель общался только с детьми, а меня игнорировал.

— Как ты тогда сказала? Мы должны строить новые жизни? — обнажает зубы в оскале. — Вот я и строю, Лен, и обойдусь без твоих советов.

— Ты хоть подумал о том, как это воспримут дети?

— Если бы ты думала о детях, — выдыхает через нос, — то сегодняшней встречи у директора не случилось, потому что ты не была разведенкой.

В его кармане вибрирует телефон, и его торопливо и нервно выхватывает. Смотрит на экран и прикладывает к уху:

— Да, Мила, я тебя слушаю.

А затем выходит из гостиной. Меня накрывает крупной дрожью, и я себя обнимаю за плечи в попытке успокоиться:

— Она не лгала...

Глава 22. Это не твое дело

Пусть это некрасиво и даже жалко, но я иду за Дмитрием. Я ничего не могу поделать с этим порывом, который рожден из отчаяния и гнева.

Дружба с Милой развернулась ко мне черной и гнилой стороной.

Лучшая подруга, похоже, очень долгое время имела виды на моего бывшего мужа, и наш развод был ей выгоден.

Ее равнодушие, разговоры по душам, протянутые платки для слез и теплые пледы на плечах шли не от чистого сердца, не от дружеской привязанности и не сочувствия, а от желания прибрать Дмитрия в загребушие ручки.

— Мила, — Дима останавливается у лестницы, что ведет на второй этаж, — я тебя слушаю.

Я останавливаюсь в дверях.

Накатывает обжигающее желание схватить с консоли на витых кованых ножках вазу со снопом сухой пшеницы и швырнуть в голову Димы.

Да, мы разведены.

И не будь у меня заботливой Милы, я бы все равно не проглотила ту ночь с проституткой и пьяную агрессию. Я бы все равно с Дмитрием развелась, но его интрижка с Милой меня бесит до дрожи в руках.

Почему?

Он ведь мне теперь ничем не обязан.

Дима оглядывается, а мне совсем не стыдно, что я беспардонно вышла за ним из гостиной.

Пусть говорит с Милой и смотрит мне в глаза.

Эта сука ведь и до развода, вероятно, пускала на Диму слюни, и сейчас я понимаю, что она в его присутствии всегда расцветала звонким смехом, очаровательными улыбками и кокетливыми шутками.

— Ой, Дим, а Ленке с тобой повезло, — как-то раз сказала она, — и, вообще, вот я насмотрелась на вас и теперь... теперь мне если с кем-то и быть, то только на вашем уровне.

— Тебе не пора домой? — тогда ответил Дмитрий.

— Прямолинейный, — смеялась на его слова Мила и грозила ему пальчиком, — а другие мужики много юлят.

— Вызываю такси, — Дима не был впечатлен ее комплиментом. — Засиделись вы.

А, может, она с самой нашей свадьбы на Дмитрия запала, и все эти годы “страдала” от неразделённой любви? Поэтому она была такой хорошей подругой, которая всегда выручит?

Она хотела стать частью нашей семьи и быть рядом с Дмитрием хотя бы в качестве служливой и хорошей подруги жены?

— Я не понял, — Дима вздыхает в трубку, — кто напал?

— Я ее отмудохала, — цежу сквозь зубы каждый слог по ядовитой капле. — Он про меня тебе решила пожаловаться.

У Димы из реакции на мои слова — только недоуменно вскинутая бровь.

Я не дождусь от него стыда или вины. С таким же успехом можно ждать от дикого медведя, что он ласково мяукнет и помурлыкает.

— Ваши отношения настолько далеко зашли, что Мила имеет наглость наябедничать на меня тебе, как папочке? Чего она ждет? Что ты по ее мнению должен сделать? М? Отчитать меня? Пригрозить? Что?! — повышаю я голос.

— Хорошо, — Дима отвечает в смартфон. — Вечером встретимся и поговорим.

Убирает телефон от уха, сбрасывает звонок, мельком взглянув на экран, и прячет его в карман.

Медленно и тяжело вздыхает, намекая без слов, что я его утомила. Скрещивает руки на своей мощной груди, в которую вечером со слезами и соплями уткнется Мила и щелкает языком о верхние зубы, снисходительно глядя на меня:

— Да, повторюсь, член в узел я не завязал.

Я вспыхиваю злостью, как спичка, которую резко и жестоко чиркнули о подошву грязного ботинка.

— Не держу celibат, — усмехается, — а ты этого ждала? Я тебе, что, евнух? Или импотент, Лен?

— Да как ты смеешь мне такое говорить?

— Какое такое? — приподнимает бровь выше. — И это не твое дело. Мне сколько раз повторить, чтобы до тебя дошло?

Я замираю.

Он возвращает мне же мои слова, которые я ему сказала после его монолога о том, что нам стоит попробовать еще раз.

Что он еще любит меня и что он не повторит той ночи. Что ему одиноко и что он хочет, чтобы я опять во сне прижималась к его спине.

Он много, чего сказал надрывного и откровенного, но я ответила:

— Мы в разводе, Дима. Мне сколько раз повторить, чтобы до тебя дошло?

Довольно грубая, высокомерная и резкая фраза, которая бьет жестокой пощечиной наотмашь.

— Ты мне, что, мстишь? — сипло шепчу я. — За то, что я отказалась вновь быть с тобой?

Глава 23. Это была она?

— Мсть? — Дима вскидывает бровь.

Пусть он и играет сейчас снисходительную насмешку, но в глазах — злость и раздражение.

Делает ко мне шаг и хмыкает:

— Я тебе, что, баба мстить? Ты, блять, нормальная, Лен? Что ты несешь? И давай начистоту. Я перед тобой обязательств не быть с другими женщинами теперь не несу. Уже больше года, если что.

— Она же моя подруга.

— И что?

Его простой вопрос меня вводит в ступор.

Он прав.

Моя истерика не имеет под собой никаких оснований, а ревность — большая глупость, которую никто не поймет.

Если кому и предъявлять претензии, то Миле, но она получила свое в супермаркете и больше я не могу называть ее подругой.

Сердце сдавливает обида стальным раскаленным обручем.

Предала, и мне сейчас, наверное, куда больнее, чем после той ночи с пьяным и агрессивным Димой, ведь тогда у меня была ее поддержка, а сейчас я — одна.

И мне больше не с кем поделиться своей болью и разочарованием.

— Ну что же, — приглаживаю волосы дрожащей рукой и делаю медленный выдох, — тебя можно поздравить с тем, что ты станешь отцом.

— Бабы, — лицо Димы перекашивается в кривой ухмылке, и он шагает прочь, — мда...

— Я хотя бы не сплю с твоими друзьями!

— А мои друзья женаты, — повышает голос и оборачивается, — что ты заладила? — останавливается. — Ты, я так понимаю, жаждешь подробностей, да? В какой позе, сколько раз и с какими словами?

— Да какие от тебя подробности, — смеюсь, — ты будучи моим мужем после проститутки не делился подробностями. Просто поставил перед фактом.

Дмитрий проводит по лицу ладонью, которую задерживает на подбородке, устало глядя на меня:

— Ты бы еще потребовала ту шлюху к тебе притащить, чтобы и ей устроить допрос с пристрастием.

Я молчу.

А я бы была не против того, чтобы тогда побеседовать с той жрицей любви. Не для смакования грязных подробностей, а для того, чтобы понять Диму.

— Серьезно? — Дмитрий смеется, а затем рывкает. — Это была шутка, Лена! Господи!

А меня уже остановить.

Я опять возвращаюсь к той ночи, будто она была вчера.

Она так и не отпустила меня, пусть прошло больше года. Я ее не прожила, не осознала и не поняла.

Безумная ночь с агрессивным Димой и Мила, которая давно положила на него свой беспринципный и бесстыжий глаз.

Ночь и Мила.

— Мы разошлись, Лен, — говорит Дмитрий. — По твоей инициативе. Я ждал, когда ты остынешь, когда ты будешь готова поговорить и выслушать меня, но ты ведь все твердо решила...

— Да, — я почти не слушаю Дмитрия, нырнув в свои мысли.

— И знаешь, я с тобой сейчас согласен, — продолжает Дмитрий. — Нам нет смысла сходиться обратно.

Пауза, которая растягивается в вечности тонкой и звенящей струной.

Это, конечно, полный абсурд, но... могла ли бы быть той проституткой Мила?

Меня начинает подташнивать.

— Ты теперь для меня только мать моих детей, — тихий, но раздраженный голос Дмитрий выдергивает меня из скользких и холодных размышлений о том, как далеко могла зайти Мила. Дима вновь становится перед моими глазами четким.

Тошнота усиливается, а затем желудок схватывает. Тело отвечает на мои домыслы болью и липкой дрожью.

Меня столько лет водили за нос, а затем сообразили причину для развода и мастерски укрепили во мне решение больше не подпускать к себе Дмитрия?

— Только мать моих детей, — повторяет Дмитрий. — Я больше не вижу в тебе женщину.

Я поднимаю взгляд.

Жестоко.

Прижимаю к бедрам влажные от пота ладони. Я бы предпочла, чтобы я из раза в раз отвергала Дмитрия словами, что мы не будем вместе и что мне противно даже от его рукопожатий.

Я добила своего. Мое “противно” отвернуло его от меня, и теперь я только мать его детей.

Бесполое существо, с которым он вынужден взаимодействовать, потому что у нас с ним — общие дети.

А теперь будет общий ребенок с Милой.

Мозг будто кисель.

Касаются холодными пальцами горячего лба и тихо говорю:

— Я должна все же кое-что уточнить, Дима.

— После я смогу пойти и побыть с сыном, а? Лен, у нас тут кое-что поважнее, чем твои истерики.

Прижимаю палец к переносице, а потом поднимаю взгляд:

— Тогда... Той ночью... Это была она? Да?

Глава 24. Ты меня начинаешь беспокоить

— Это была она? — шепчу я надрывно, повторяя свой вопрос.

Если действительно той ночью с моим бывшим мужем была Мила, то пазл складывается в очень некрасивую картинку.

Насколько надо быть продуманной и подлой стервой?

Столько лет дружить и все эти годы выкинуть на помойку ради чужого мужа. Нет, это не любовь. Это одержимость, в которой человек готов пойти на любую глупость, лишь бы получить желаемый объект.

— Ты сейчас про кого? — спрашивает Дмитрий, и я улавливаю в его голосе, что он теряет терпение.

— Мила, — сипло отвечаю я. — Той ночью была с тобой Мила? Мила была проституткой, да?

Дмитрий смотрит на меня, как на умалишенную. Около минуты молчит, вскинув бровь, а потом говорит:

— Лена, откуда ты это взяла?

Я ошиблась в своих догадках?

— Ты ответишь на вопрос или нет? — меня начинает потряхивать. Я уже готова кричать, а через минуту точно разобью вазу с сухоцветами о голову Димы. — Что ты юлишь?

Дмитрий накрывает лоб ладонью, закрывает глаза и медленно выдыхает на грани рыка.

Я его действительно раздражаю.

Раздражаю до тихого гнева.

Потирает лоб и делает вдох.

— Нет, Лена, той ночью со мной была не Мила, — чеканит он каждое слово по слогам, вглядываясь в мои зрачки тёмными и злыми глазами, — Уж если бы это была она, то тогда я бы сразу тебе это сказал, — повышает голос до басовитого рывка, — Меня же тогда было не заткнуть! Нет, той блядью была не твоя подруга! Что ты еще хочешь знать?! Блондинка или брюнетка?!

— Прекрати разговаривать со мной в таком тоне, — перехожу на яростный шёпот. — Ты мне сейчас не лжёшь?

За секунду взгляд Дмитрия становится снисходительным, и мне под ним зябко и неуютно. Чувствую я сейчас себя действительно какой-то сумасшедшей. Если Мила в нашей паре подружек одержимая, то я — чокнутая идиотка.

Дмитрий смеётся, а после резко замолкает, опять смотрит на меня. И тяжело вздыхает.

— Нет, Лен, я не лгу, — теперь он сжимает кулаки, и я понимаю, что если я продолжу, то точно пострадает стена напротив него. — Той ночью со мной была не Мила, а другая девушка. Я не помню её имени, но помню её лицо.

— Вот как, — усмехаюсь я. — Помнишь её лицо?

Правда Димы острым лезвием проходит по мне.

— Ох, блять, — рычит Дмитрий и шагает мимо к лестнице. — Ты меня заебала, Лена. Ты готова мусолить эту тему десятилетиями. Нахуй тебя, Лен, с твоими тупыми вопросами. Я пойду к сыну.

— Ты такими словами общайся с Милой, а не с матерью твоих детей! — кричу ему вслед. — Я бы посмотрела на тебя, если бы это я тогда пришла на бровях после чужого продажного мужика.

Тишина, и шаги.

Дмитрий возвращается, подходит ко мне вплотную и всматривается в глаза:

— Какое это сейчас имеет значение, Лен? и я не могу понять, что тебя бесит больше всего. То, что твоей дружбе с Милой конец или то, что я теперь не буду перед тобой бегать на задних лапах, а?

— Прекрати со мной в таком тоне говорить.

— И ты прекрати, Лена, — крылья носа вздрагивают. — Ты меня все это время мариновала. Я терпел все твои закидоны, но...

— Но что?

— Но потом, знаешь, — обнажает зубы в улыбке, — проснулся, а от тебя сообщение с очередной претензией, что я забыл сменку Вероники, и я понял, что я, сука, устал от тебя.

Я аж отступаю.

Сердце сдавливает возмущением и обидой. Я не заслужила таких жестоких и презрительных слов от того, с кем мы прожили в хорошем и крепком браке.

— Пора менять формат общения, Лена, — недобро щурится. — Я тебе не щенок.

— Что ты такое говоришь? — на выдохе едва слышно спрашиваю я и сама себя хватаю за запястье, чтобы хоть немного унять дрожь.

— Да, меняем, формат общения, — с угрозой повторяет Дмитрий, продолжая вглядываться в мои испуганные глаза. — И начнем с того, что тебя не касается моя личная жизнь.

— Она скоро коснется и наших детей, Дима, — с трудом борюсь с желанием опустить глаза и принять его правду, что я истеричка, — у тебя будет третий ребенок.

— И это все, — он вновь подходит ко мне и наклоняется, — я сам обсужу с детьми. Как принято, Лена?

У меня по щекам текут слезы.

Ни мужа, ни подруги. Вот итог моей доверчивости.

— И знаешь, я теперь думаю, что все важные вопросы с детьми должен обсуждать в первую очередь я, — отстраняется и недобро щурится. — Ты начинаешь меня беспокоить, Лен.

Глава 25. Поженитесь обратно

— Сына, — вздыхаю я, останавливая качели.

Присаживаюсь перед молчаливым и угрюмым сыном на корточки, кладу ладони на его колени и заглядываю в заплаканное лицо.

Я должен абстрагироваться от других проблем — от Лены, от Милы, от возможной внезапной беременности и от всех этих дрызг, которые уже начались и которые, вероятно, с каждым новым днём будут нарастать, как снежный ком.

Не буду заглядывать наперед.

Буду решать и обсуждать те проблемы, которые есть в настоящее время. Мила с ее новостью ждет меня вечером, а сейчас мне важен мой сын, который вступился за честь матери.

— Саша, — шепчу я, — посмотри на меня.

Он поджимает губы, надувает щеки и нехотя переводит на меня сердитый взор, в котором много упрямства и вызова. Он считает себя правым.

Раздувает ноздри. В его гневной москве я узнаю себя. В детстве я точно так же сердился, и у меня точно так же активно шевелились ноздри. Мама часто над этим смеялась, чем меня злила еще больше.

— Ты будешь ругаться, да? — тихо спрашивает он и щурится.

Я, конечно, хочу рычать и рушить все вокруг, но не из-за сына.

Сашу-то я как раз поддерживаю в его желании наказать того, кто не умеет держать язык за зубами. Он преподавал опасный урок своему однокласснику, что за слова приходится отвечать и иногда это очень больно.

В этом плане я даже горд за сына, но надо ему объяснить, что насилие может привести к серьезной беде.

Боковым зрением вижу, как на крыльцо заднего двора выходит Лена. Она нервно поправляет волосы на макушке, скрещивает руки на груди и останавливается у верхней ступени, не решаясь спуститься и подойти к нам.

Чувствую укол раздражения. Я бы попросил её уйти, потому что предпочёл бы провести серьезную беседу с Сашей наедине, как отец и сын. Но она, видимо, решила, что без нее никак мне не обойтись.

Я опять облажаюсь или скажу что-то не то.

Надеюсь, у неё сейчас хватит ума не лезть в наш разговор и не делать очень ценные замечания, которые она так сильно любит и которыми всячески пытается каждый раз подорвать мой авторитет перед детьми.

Она вечно либо меня поправляет, то хмыкает, то награждает уничижительными взглядами, которые меня просто выводят до трясучки и бешенства. Удивительно, как долго мы продержались с ней в браке.

И удивительно, что я долгое время хотел в него вернуться.

Теперь же все ухудшится в разы, ведь я такой подлец — посмел переспать с её лучшей подругой.

Негодяй.

Урод.

Мерзавец.

Так. Я должен вернуться к сыну, который сейчас нуждается в моей поддержке.

— Саша, — тихо говорю я, вглядываясь в глаза сына, который опять вот-вот расплачется. — Конечно же, я не буду кричать. Почему ты так решил?

— Потому что... — он шмыгает и трёт нос, — потому что ты разозлился в кабинете директора, и... Мама всегда говорит, что бить других - плохо.

— Бить других плохо, конечно, — соглашаюсь я со словами Лены, — но ведь ты просил Максима перестать тебя обзывать и дразниться?

— Просил, — насупленно бурчит Саша и отводит взгляд на Лену, которая спускается на несколько ступенек. Они под её тапочками неприятно скрипят. — Но он не переставал, он не слушал меня.

— Понятно, — отвечаю я и сжимаю его колени, возвращая его внимание вновь на себя.

Увы, сейчас не Лена может помочь ему осознать и понять ситуацию, в которую он попал и в которой он выступил агрессором. Она женщина, и она будет ему советовать с женской позиции, как обычно: "Драться нельзя. Ты должен решать все разговорами". Много болтовни, но... Для жизни мальчика это совсем не результативно.

— Если тебя обижают, Саша, то надо отвечать, — серьёзно говорю я. — Но если драться с другим мальчиком, у которого нет камня в руке, то надо драться с голыми кулаками, понимаешь?

Саша молчит и выпячивает нижнюю губу.

— Ты должен был его ударить кулаком в лицо, — вздыхаю я. — Понимаешь? Сильно ударить кулаком в лицо, но не камнем.

Делаю паузу, потому что опять скрипят ступени. Я закрываю глаза, чтобы сдержать свой гнев на Лену, которая зря вышла на задний двор. Я не могу её сейчас взять и прогнать криками на глазах у сына. Я-то, в отличие от неё, понимаю, что очень важно сохранить авторитет матери перед ребёнком.

— Но перед тем, как бить того, кто дразнится, то стоит все рассказать учителю... — подает тихий голос Лена.

— Я не стукач, — Саша отворачивает лицо.

— Но... — голос Лены вздрагивает неуверенностью, и она подходит к нам на три шага ближе, — надо было рассказать нам, Саша.

Я чувствую ее взгляд на себя. Злой и острый: ждет от меня поддержки.

— Мама права, — мне приходится согласиться с бывшей женой, — ты должен нам о таком рассказывать. И в этом случае ты не будешь стукачом, Саша...

— Потому что мы твои мама и папа...

Мама и папа в разводе. Делаю глубокий вдох, чтобы усмирить в себе новую волну гнева. Все ведь могло быть иначе.

— Саша молчит и смотрит поверх забора, хмурится и с тихой детской надеждой заявляет:

— Поженитесь обратно.

Глава 26. Я вернула бывшему сердце

— Поженитесь обратно! — повторяет Саша громче и требовательнее, будто ему должны вернуть игрушку.

И смотрит именно на меня, а не на Диму, который и толкнул нашу семью к разрыву, а я почему-то именно сейчас теряюсь под его сердитым взглядом.

До этого я стойко выдерживала капризы сына и дочери, которые периодически прощупывали меня на тему “а вы будете с папой вместе?”, и даже могла им все спокойно и строго все разъяснить.

Сейчас я потерялась от требования младшего сына.

Моя бывшая свекровь не раз повторяла, что я дура набитая, что я не думаю ни о ком кроме себя и что мне все равно даже на детей, которым важно жить в полной семье с мамой и папой.

— Милый... — тихо начинаю.

— Поженитесь обратно!

В глазах блестят горькие и злые слезы. Сжимает тросы качелей и продолжает на меня смотреть в детском отчаянии и надежде, что в этот раз он сможет меня убедить.

У него все просто, потому что он не в курсе подробностей той ночи.

Он даже ее и не помнит особо.

Зря я вышла.

Стоило оставить его наедине с Димой, но я же решила все проконтролировать.

Дура.

— Сашенька, мы с тобой это уже обсуждали...

Я бы, конечно, могла взглядом намекнуть Диме, что ему сейчас стоит поддержать меня, но это будет странно, учитывая, что он тоже хотел “пожениться обратно”.

Весь мой мир разрушен.

Иллюзии о дружбе, любви, верности и прочих важных аспектах моей жизни разбиты, и мне бы спрятаться в нору, чтобы зализать раны, но я стою по сверлящим взглядом сына и чувствую вину перед ним.

Может, я правда виновата?

Не проглотила ту агрессивную ночь после проститутки и не сохранила семью.

Но...

Нет.

Я бы не смогла. Мила, конечно, яростно жужжала мне в уши, какой Дима плохой и какой он моральный инвалид, но чувство брезгливости к мужу — родное. Мое, и именно оно сыграло ключевую роль в моем решении не быть с ним.

Я сразу поняла, что не смогу лечь к нему в постель после грязной продажной женщины и что я бы его и себя извела.

И я отказалась чувствовать отвращение к мужу и уничтожать последние крохи взаимного уважения даже ради детей.

Но я все же взбесилась из-за новости, что он отымел Милу.

Может, несколько раз.

А, может, они уже давно в тайных отношениях.

— Саша, — Дима берет инициативу в непростом разговоре на себя и вглядывается в бледное злое лицо нашего сына, — мы твои мама и папа. И всегда ими останемся вне зависимости от обстоятельств. Да, мы с твоей мамой не в браке, но мы оба любим тебя. Бесконечно любим...

Меня почему-то дергает злостью.

Наверное, потому что я больше в словах Димы не слышу тех ноток, которые всегда мне намекали о его чувстве вины, о его желании быть вместе, а его надежде и любви.

Да, я больше не слышу в его голосе ко мне любви.

Я действительно стала для него только матерью его детей.

Он, наконец, принял эту реальность.

У меня руки трясутся, и я прячу их за спину.

Впервые за все это время я могу громко разрыдаться, но я должна сдержаться.

Наши отношения, которые начались с хитрого прищур старшекурсника за соседним столом в столовой, закончились не в ту ночь, как я думала, а сегодня.

Сегодня я почувствовала, что Дима перешагнул за линию на другую сторону жизни без меня.

И Мила ли в этом виновата?

Или она просто “удачно” подгадала момент, когда Дима пришел к точке невозврата.

Она с ним, похоже, общалась у меня за спиной, раз у них случился коитус.

Я не думаю, что Дима сам однажды ворвался к ней в квартиру и устроил ночь дикой любви.

Прикусываю кончик языка.

Мне должно быть все равно. Даже если у Димы в скором времени появится третий ребенок, то я не буду жрать себя изнутри всеми этими мыслями, как такое могло произойти. И кто виноват.

Произошло то, о чем я долгое время требовала у Димы. Чтобы он начал жить без оглядки на меня. Что мы теперь лишь родители.

Глаза начинает печь от слез.

— Я хочу, чтобы вы поженились обратно, — Саша хмурится на Диму. — Мама будет опять в белом платье...

Проклятье.

Меня накрывают вспышки воспоминаний, в которых я в элегантном белом платье с тихим смехом жмусь к Дмитрию и шепчу:

— Обалдеть, мы сделали это...

— Будто у тебя был выбор. Я как только тебя увидел, то сразу решил, что будешь моей женой.

— Да, ты тогда жутко на меня смотрел, будто я... — хихикаю, — украла твое сердце...

Я щипаю себя за запястье, возвращая в настоящее.

Что же.

Тогда я сердце украла, а сегодня вернула?

— Саша, — подаю я тихий и мертвый голос, — иди делать уроки.

Сейчас я не в силах вести с сыном серьезных разговоров, в которых мне удавалось раньше настаивать на том, что мы с Димой в разводе и ничего не изменить.

Саша переводит на меня взгляд, в котором много обиды и ярости. Какие нафиг уроки?!

— И папе уже пора, — продолжаю я, сцепив руки за спиной в замок, — у него дела, милый.

— Не поженитесь, — Саша соскакивает с качелей, которые тихо поскрипывают, — то буду двоечником.

А после шагает прочь, спрятав руки в карманы. Хлопает входной дверью, и Дима встает с корточек на прямые ноги. Вздыхает:

— Ему надо чуток остыть.

— Тебе пора, Дима. Мужские разговоры оставь на свою неделю, а сейчас... — поджимаю пальцы в тапочках.

— Нам придется обсудить вопрос о переводе Саши и Веронички в другую школу, — поправляет галстук. — Конечно, я не оставлю весь этот кошмар без последствий, но мои дети... В груди будто тревожный звоночек вздрагивает. Мои дети? Мои? Не наши? — Наши, — поправляю я Дмитрия. — Это наши дети, Дима.

Глава 27. По секрету всему свету

— Мам, — тянет Вероничка и ковыряется ложкой в густом чечевичном супе, косится на брата. — А почему Саша такой злой?

Саша в ответ поджимает губы, надувает щеки.

— Он у нас сегодня подрался, — вздыхаю я. Отламываю от хлеба маленький кусочек и отправляю в рот, пожимаю плечами. — Разбил однокласснику бровь камнем.

Я не считаю, что нужно скрывать от дочери правду о том, что её брат любит жестоко подраться. В конце концов, это тоже часть воспитания. Может быть, сейчас Саше за злостью станет немного тревожно, что он мог серьёзно навредить однокласснику. Да, конечно, он вступился за мою честь, но сколько в его жизни будет таких моментов, когда от ярости и гнева захочется забить противника камнем? Я не хочу сына навещать в тюрьме. Если драться, то драться как обычные мальчишки — просто кулаками, без камней.

— Ого, — Вероничка округляет глаза и поворачивает лицо к Саше. — А за что?

Саша фыркает и отправляет ложку с чечевичным супом в рот.

Удивительно, он сегодня даже не стал капризничать по поводу того, что не будет "противную чечевицу". За злостью и обидой на меня и Диму его совсем не тревожит ужин.

Чую, что его угроза о том, что он станет двоечником, вполне реальна.

Черт

Надо менять школьного психолога. Нужен кто-то помощнее, чем милая девушка, к которой я вожу Сашу раз в неделю. Рисунков и бесед с веселыми играми мало Саше явно мало.

На столе у миски с салатом из огурцов и рукколы вибрирует мой смартфон. Я аж кашляю, когда вижу на экране имя своей бывшей свекрови и её фотографию, на которой она смотрит в камеру, немного вскинув свой острый прооперированный подбородок.

Медленно и без резких движений откладываю ложку, будто боюсь, что смартфон сейчас накинется на меня, как голодная и агрессивная крыса.

— Так, — шепчу я. — А тебе что еще надо?

Затем я резко, как ядовитую змею, хватаю смартфон, и резко встаю. Стул подо мной неприятно скрипит по кафелю. Вероничка поднимает обеспокоенные глаза, замерев с ложкой у рта.

— Так, — повторяю я. — Не балуйтесь за столом.

Торопливо выхожу из столовой, прохожу через гостиную и заворачиваю в прихожую за лестницу к выходу на задний двор. Принимаю звонок.

У меня почему-то дрожат руки. Вероятно, мне опять наговорят гадости о том, какая я неблагодарная сучка, но меня жрёт плохое предчувствие, что дело не в желании моей бывшей свекрови оскорбить меня.

Боже, когда я выдохну, когда этот сумасшедший день закончится?

— Алло, — прикладываю телефон к уху и оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, что дети не пошли за мной.

Я не хочу, чтобы они слышали наш разговор.

— Ну что, довольна? — раздаётся недовольный и немного хриплый голос свекрови. Ни приветствий тебе, ни вопросов, как у меня дела — сразу же с места в карьер.

Ну, моя свекровь в своём репертуаре, и я не должна удивляться её возмущению.

— Поясните, пожалуйста, — отвечаю я сдержанно и тихо, — о чем речь?

— Довольна? Да? — хмыкает свекровь. — Мне тут твоя подружка-потаскушка позвонила и обрадовала внезапной новостью. О господи.

Прикрываю глаза ладонью. Ну, ожидаемо. Свекровь смеётся с высокомерием:

— Но я не этого всё же ждала. Не твою подругу с пузом, — она повышает голос, — а приличную скромную девушку из хорошей семьи! Сначала у нас невестка была дура, а теперь какая-то шмара!

— Зачем вы мне это говорите? — Мой голос всё же вздрагивает обидой.

— Потому что это твоя вина! — свекровь взвизгивает. — Твоя вина! Мой сын пытался сохранить вашу семью! Пытался! Он хотел сохранить семью, но ты такая гордая, сильная и независимая. Ну надо же! А теперь смотри, как твоя подруга будет ходить с пузом у тебя под носом. Надеюсь, ты довольна!

Разговор обрывается гудками, что пронизывают мой мозг болезненной пульсацией. Опускаю руку с телефоном, приваливаюсь плечом к стене и медленно выдыхаю, чтобы собраться с мыслями. Я должна привыкать к новому витку того, что я во всём виновата.

— А? — раздаётся тихий, обеспокоенный голосок Веронички.

— Что, милая? — Я разворачиваюсь к ней и слабо улыбаюсь. — Иди ужинать, сейчас я вернусь.

— Мам, — она делает несколько несмелых шагов ко мне. Тербит подол платья и смотрит в пол. — Мам, сегодня после фортепиано, перед тем как меня забрал водитель дядя Савва у ворот, я видела тётю Милу. И она мне сказала кое-что по секрету.

Проклятье. Сжимаю смартфон в руке до тихого скрипа.

Вот же гнида.

Все же стоило разбить о ее голову банку огурцов и отправить в больничку на несколько недель. Уже полезла к моим детям.

— Секрет, — едва слышно повторяет Вероничка. — Что она ждёт ребёночка.

Долгая напряжённая пауза, и Вероника поднимает большие глаза, в которых застыло детское разочарование и тревога:

— От папы.

Глава 28. Будешь третьей?

Меня изнутри разрывает от гнева и возмущения.

Эта лживая мерзавка подобралась к моей дочери и поделилась с ней "радостной новостью" по секрету?

Вот же стерва, вот же дрянь такая.

Будь она тут, то я бы точно избила ее домашним тапком до кровавых соплей и мольбы остановиться.

Меня начинает трясти.

— Вероничка, зайка, если у папы будет третий ребёночек или другая тётя, то об этом папа сам тебе скажет, — прохожу ладонью по волосам дочери и сдержанно улыбаюсь, а сама внутри клоочу от чёрной злобы к бывшей подруге.

А что я еще могу сейчас сказать.

Хорошо, мразь, сыграно.

Решила оставить истерику Милы на одну меня?

— Слышишь, а тётя Мила... — я улыбаюсь шире и начинаю лживо ворковать. — А тётя Мила... Мы с тётей Милой просто поссорились, а теперь из-за нашей ссоры она решила... — я делаю паузу, пытаюсь подобрать правильные слова, и через несколько секунд продолжаю, — решила отомстить через тебя, понимаешь?

Вероничка недоумённо хмурится и качает головой. Конечно, она ничего не понимает. Я сама теряюсь в реальности и просто хочу потопать ножками, опустить руки и поплакать, но я мама.

И ко мне пришла дочка с непростым разговором, который может привести к настоящему апокалипсису в детской душе.

— Понимаешь, тётя Мила из тех женщин, которые любят врать. Они играют в сложные игры, настраивая всех вокруг друг против друга.

Вероничка хмурится сильнее и неуверенно кивает, поджав губы.

— Кажется, мам, я поняла, — насупившись, переходит на сердитый шёпот. — Я очень разозлилась на папу.

Черт.

Может, стоило подтвердить слова Милы и сказать, что, да, у Вероники будет братик или сестричка, но все же удар с обидой и гневом должен принять он.

Он — отец. И это его ответственность.

Не я должна объяснять, почему папа решил завести интрижку с той, кто была вхожа в наш дом. Не я должна вытирать слезы после новости, что у папули будет новый ребенок.

— Ты моя хорошая, — я притягиваю Веронику к себе, прижимаю к груди и вздыхаю, поглаживая ее по затылку.

Если честно, я готова Милу сейчас даже убить.

Окей, она решила на меня вывалить правду о её интрижке с моим бывшим мужем, а после решила позвонить и свекрови. Допустим, я могу ее со скрипом понять, как женщину, которая была долго влюблена в чужого мужчину и сейчас решила действовать.

Но я не понимаю, зачем лезть к моей дочери.

Это разговор Димы и наших детей, и в нем она лишняя.

— Послушай, — обхватываю лицо Веронички ладонями, заглядываю в её лицо и вновь ласково улыбаюсь. — Я оставлю тебя с Сашей, хорошо? Проследи за ним и, пожалуйста, помоги ему с уроками. Он сегодня немного вредничает. Обиделся на меня и на папу, — заправляю волосы за её маленькие ушки. — А тебя он послушает, как старшую сестру.

Вероничка, выпятив нижнюю губу, кивает, и я слышу из гостиной злой крик Саши:

— Я не буду делать сегодня уроки! Я все сказал!

Вздыхаю, прижимаю на несколько секунд пальцы к вискам, массирую их, прогоняя нарастающую и пульсирующую боль, и опять смотрю на Вероничку.

— Я сбегаю к папе, хорошо?

Вероничка кивает. Торопливо шагаю в прихожую и около минуты трачу на то, чтобы обуть ноги. Из-за волнения, из-за гнева я плохо контролирую свои движения, будто я выпила несколько рюмок водки, а после заполировала их вином. Накидываю на плечи плащ, нервно убираю волосы за плечи и выбегаю из дома.

Как удобно, что Дима живет через дорогу. Нервно смеюсь. Перебежал через дорогу и можно начинать кричать, чтобы он свои суку держал у ноги и не позволял приближаться к нашим детям.

Конечно, мой муж не желает скандалов и возмущений ведь никому из мужиков не нравится признавать, что они налажали. Вот и называют нас дурами, мигерами и истеричками. Очень удобно, но я сейчас не проглочу наглость Милы.

Эта потаскуха не имеет никакого права лезть к моим детям с разговорами о том, что она ждет розовощёкого пупсика от Димы.

И да, я буду кричать об этом, рвать и метать, потому что как мать, я в ярости, и если Димы сейчас заявит, что я должна заткнуться, то он потерял не только для меня, но и для Саши с Вероничкой.

Хуевый он тогда отец.

Я выбегаю из калитки, резко торможу и замираю, потому что вижу, как на противоположной стороне улицы останавливается жёлтая машина такси, а из неё выпархивает Мила.

Я издаю короткий злой смешок.

Какая прелесть.

Дима решил провести серьёзный разговор со своей новой сучкой буквально у меня под носом?

Наши взгляды с Милой пересекаются. Она кокетливо приглаживает волосы на макушке и очаровательно улыбается.

У меня глаз дергается.

Разворачивается на носочках от такси и дефилирует к воротам Диминого дома, нагло и похабно повиливая бёдрами.

Стискиваю кулаки, ногти впиваются в ладонь, и кажется, что вот-вот прорвут тонкую кожу до мяса и связок.

Помню, как эта гадина говорила, что я хожу, как уточка, и пыталась меня учить своей королевской походке. Мы тогда так громко смеялись, когда у меня не получалась походка от бедра.

Ага, смеялись надо мной.

Потому что я лохушка.

Делаю медленный выдох и рявкаю:

— Мила! А ну постой! У меня к тебе разговор!

Мила со свойственной ей грациозностью оглядывается на мой яростный оклик, вскидывает бровь, будто не понимает, почему я сейчас пружину к ней через дорогу быстрыми и размашистыми шагами, и выдаёт:

— Я приехала побеседовать с Дмитрием, а не с тобой, Ленусь.

Самодовольно ухмыляется и добавляет с противной издевкой:

— Или ты решила побыть в нашем разговоре третьей?

Приглашаю в новинку “Предатель. Ты лгал мне годами” в семью Абрамовых <https://litnet.com/ru/reader/predatel-ty-lgal-mne-godami-b485867?c=5808014>

Анно:

— Я дочь твоего мужа! — девица с ядовитым презрением выплевывает каждое слово.

Ей лет пятнадцать. Одета в яркие кислотные цвета, от которых рябит в глазах. Грудь сдавливает паникой.

Кладу руку на живот, умоляя малыша успокоиться, и тихо отзываюсь под новый болезненный пинок:

— Это какая-то ошибка...

— Да? — ее громкий смех бьет по вискам пульсирующим гулом. — Боже, — окидывает меня насмешливым взглядом, — какая ты лохушка! Старая пузатая лохушка!

Двадцать два года крепкого и счастливого брака. У старшей дочки Светы через неделю свадьба, а сынок Аркаша готовится к поступлению на архитектурный факультет.

Мне сорок и я на седьмом месяце беременности.

Я была счастлива до того момента, пока не вскрылась правда о моем любимом муже, который годами лгал мне и скрывал вторую семью.

Бесить будут все. До скрежета зубов и желания выбросить телефон в окно с криками “Да сколько можно?!”

Поэтому если нервишки слабые, то книгу не открываем.

“Предатель. Ты лгал мне годами” в семью Абрамовых <https://litnet.com/ru/reader/predatel-ty-lgal-mne-godami-b485867?c=5808014>

Глава 29. Я беспокоюсь о тебе

От противного и двусмысленного намека Милы у меня мозги вскипают такой яростью, что понимаю теперь Сашу, который схватился за камень.

Я сама сейчас готова камнем расколоть черепушку Милы, которая с ухмылкой достает смартфон и наводит камеру на меня.

— Не подходи ко мне, — говорит она. — Лена, я предупреждаю, все снимаю на камеру. У нее даже вздрагивает голос.

Отступает.

Я замираю у тротуара и вскидываю бровь:

— Да ты охренела, Мила...

— Я тебя боюсь, Лена. Ты не в себе.

— Прекрати эти игры! — делаю шаг, и Мила всхлипывает.

— Я буду кричать, Лена. Отойди от меня.

Насколько я ее любила в нашей дружбе, настолько я ее сейчас ненавижу. Мерзкая тварь. Двуличная гадина, которая годами пыталась подползти к моему мужу и улыбалась мне, а сама презирала меня.

Я к ней со всей своей простой душой, а она глумится.

Вот это больнее всего.

Ее глумление над тем, что я была слишком доверчивой, слишком мягкой и слишком наивной.

Проблема даже не в Диме, а в той гнили, что полезла из всех щелей Милы.

Останавливаюсь.

Если бы она действительно его любила, то я бы приняла это. В конце концов, их связь действительно случилась вне нашего брака, и у меня нет никаких оснований беситься.

Меня вводит в ярость то, что Мила надо мной смеется.

Ни одной женщине не понравится оказаться дурой в дружбе, которая была для нее подарком судьбы.

— Лена... — Мила отступает еще на шаг, и у неправдоподобно трясутся руки, — не усугубляй свое положение... Подумай о детях, Лена.

У меня брови ползут на лоб.

Я не поняла.

Это еще что за намек?

Она сейчас завуалированно говорит мне, что видео с моей атакой в супермаркете, можно будет использовать против меня в случае споров с Димой о совместной опеке?

Или это уже паранойя?

— Ты зачем полезла к моей дочери, а? — все же решительно шагаю к Миле. — Ты не думаешь, что о таком с нашими детьми должен говорить их отец? И... — развожу руки в стороны перед камерой, — это что же выходит, Мила, ты преследуешь мою дочь?

Как тебе такое? Я тоже могу витиевато угрожать, мерзавка.

— Преследую? — охает Мила. — Что ты такое говоришь? Твоя дочь звонила мне, попросила о встрече и... сказала, что... — Мила делает многозначительную паузу и продолжает в отлично сыгранном отчаянии, — что она тебя боится!

— Что ты, сука такая, несешь?!

— Она просила с тобой поговорить, — голос Милы становится лживо обеспокоенным, — чтобы я тебе чем-то помогла... Лен, ты, правда, очень изменилась... Неужели ты пить начала?

Это какой-то абсурд.

И самое страшное то, что Мила говорить глупости так серьезно, что будь я другим человеком, то я бы ей поверила.

Ее тону, ее слезам в уголках глаз и ее печально-встревоженному лицу.

— Лен, — голос Милы становится тише, — я тоже поняла, что тебе нужна помощь, когда ты... я тебя не виню... у тебя сложный период в жизни, но...

Во мне вспыхивает иррациональное желание криками оправдаться, что она врет и что она охамевшая тварь, которая наговаривает на приличную женщину несусветные глупости.

— Я к Диме пришла и этот вопрос обсудить, Лен, — сипит Мила. — Обсудить то, что мне сказала Вероничка.

— Прекрати ломать комедию, убери телефон и веди себя, как взрослая женщина, Мила, — смотрю на свою бывшую подругу исподлобья.

Глаз дергается.

Я на грани.

Я должна взять себя в руки и сыграть по правилам Милы, но кулаки так и чешутся.

Я знаю, что Вероника не говорила бреда о том, что я ее пугаю.

— Лен, может, тебе отдохнуть? — сладко вещает Лена. — Возьми отпуск, оставь заботу о Саше и Вероничке на меня и Диму, а сама перезагрузись...

Она прекрасно знает, что делает.

И знает, за какие ниточки дергать, чтобы меня вывести из себя.

Она хорошо изучила меня за все наши годы дружбы, и в курсе моей болезненной привязанности к детям и о страхе, что Дима мог вступить в борьбу за них при нашем разводе.

Я — не плохая мать, но у мужчин с деньгами и связями больше возможностей наказать бывшую жену детьми.

Да, я боялась, что у Димы переклинит на этой теме, потому что он дети для него — его продолжение, его кровь, его будущее.

И да, я об этом, конечно же, говорила Миле, а она меня успокаивала.

Она знает, что я боюсь потерять детей, и ласковыми словами сейчас режет по живому.

Оставить Сашу и Вероничку на нее и Диму?

Жирный намек, что оставит меня и без детей?

Тварь.

Гнида.

Она вскрикивает, когда я делаю шаг в ее сторону:

— Лена! Не надо!

Но я не нападаю на нее. Обхожу несколькими шагами, и через секунду жму на кнопку вызова домофонной панели у запертой кованой калитки, за которой виднеется аккуратная белая дорожка и пушистые кусты сирени.

— Ты пришла поговорить, — смотрю в черный кружочек камеры домофона, — вот и поговорим. Все втроем. Все же побуду третьей.

Мышцы шеи болят от напряжения.

— Лен, — раздается отстраненный голос Дмитрий в динамике домофона, — что опять? Мне было на сегодня достаточно...

— Я к тебе тут с Милой, — перебиваю его. — Нам надо всем все же поговорить. По душам.

Глава 30. Она не в себе

Я была в дом Димы лишь несколько раз, и надо признать, у него тут уютно. По-мужски уютно.

Темное дерево, кожа, и приглушенные цвета.

Это не логово злостного холостяка, у которого валяются по всем углам грязные носки и трусы. Нет.

И меня это почему-то злит.

Он наладил свой быт, и без жены он совсем не пропал. И судя по рассказам дете

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.